

0а

Проф. С. В. БАХРУШИН

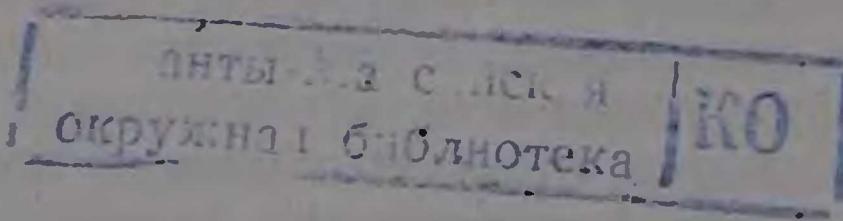
51

150а

К 63.3(2)4
КБ 30

11291

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ
КОЛОНИЗАЦИИ СИБИРИ
в XVI и XVII в. в.

- 54588 -

МОСКВА
ИЗДАНИЕ М. и С. САБАШНИКОВЫХ
1927

II.

ГЛАВНЫЕ ТЕЧЕНИЯ В СИБИРСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ С XVIII ВЕКА.

Научное обследование Сибири в XVIII в. Труды акад. Миллера по истории Сибири. Их влияние на последующую историографию Сибири. Постановка задачи в Сибирской историографии в XIX в.; Соловцов и его «Историческое Обозрение». Бутаковский и его роль в изучении истории Сибири. Отредактированные научные труды о Сибири в начале XX в.

В XVIII веке наступает период научного изучения Сибири. Несомненно, что наблюдаемый со времени Петра Великого торгово-промышленный рост России вызывал потребность в более близком ознакомлении с сибирскими пространствами земли, принадлежащими Российской короне за Уралом, и с их природными богатствами. Вместе с тем, тут отразился общий подъем интереса к географическим наукам в Западной Европе. Период бесподобного стихийного захвата сибирских пустынней заканчивается; наступает момент, когда и правительство, и общество в России начинают присматриваться к своим завоеваниям в Азии с более широкой точки зрения: Россия предстояло внести свою лепту в ту большую работу по исследованию поверхности земного шара, с которой познакомился Петр при своих путешествиях за границу и которая поразила его увлекающееся воображение. Северная Азия оставалась еще, по выражению Гмелина, «погруженной для географов в глубокий мрак». «Вся страна слышала под именем Татарии, все народы, в ней обитавшие, почтались за татар; не знали даже, как далеко (на восток) тянется суша и продолжается ли она до Америки, или отделяется от нее морем»¹⁾. Таким образом, с одной стороны «живые выгоды для торговли», с другой чисто научные интересы побуждали русское правительство приступить к исследованию азиатских владений России.

Уже в 1719 году в Сибирь был отправлен д-р Готфрид Мессеримидт; согласно договора, заключенного им с правительством, он обязывался изучить географию страны, ее естественные

протяжести, этнографию и, наконец, исторические памятники и древности и, вообще, все «замечательное»²⁾. Этого или обследования Сибири побудило тем, что показывает направление и размеры интереса, который проявился правительством в отношении к дикой, во много обещавшей в будущем окраине. Понятно, что выполнить его один человек не мог. В 1733 году была спарожена обширная и научно обставленная академическая экспедиция под начальством капитана Беринга, которой ставились две задачи. Во-первых, морской состав экспедиции во главе с Берингом должен был продолжить начатые за несколько лет до того же Берингом исследование береговой линии Камчатки для выяснения поставленного еще Петром I вопроса о том, соединяется ли Азия с Америкой; во-вторых, предстояло произвести подробное обследование всей Сибири непосредственно по тому же плану, какой был у Мессеримидта. Для последней цели, Академия ввела в состав экспедиции лиц, способных не только к совершению путешествий, но и к тому, чтобы привести известную пользу в деле землеописания, освещать историю дотоле неизвестных стран, через которые лежал путь, и населяющих их народов и точно изучить естественную историю, нозианя и которой необходимы для сознательного знакомства с страной, и вообще узнать все, что имеет научный интерес³⁾. К участию в экспедиции были привлечены историки Герард-Фридрих Миллер и позднее Иоганн-Дебргарт Фишер, натуралист Иоганн-Георг Гмелин, астроном Людвиг де л'Иль де ля Кройер, несколько студентов, в том числе Крашениников, геодезисты Красильников и Попов и другие. Из них на Миллера было возложено историко-этнографическая часть обследования. Экспедиция продолжалась десять лет с 1733 по 1743 годы. Позднее, при Екатерине II, была спарожена во тому же плану другая большая академическая экспедиция для обследования восточных областей империи, в которой приняли участие: Наллас, Георги, Ленехин и Фальк. Таким образом, выражаясь словами Соловцова, «благодаря совокупным усилиям многих ученых мужей, покрывало свало в Сибири; и она в частях природы явилась богатою, а в обиражении человеческом не без надежд»⁴⁾.

Одним из результатов обследования Сибири в первое поло-
вина XVIII в. явились труды Миллера по Сибирской истории, должествование представить исследовательно изложение и заселение этой страны русскими. В 1750 г. вышел I том его «Описания Сибирского народа и всех происшедших в нем дел от начала, а особенно от покорения его Российской державе, по

¹⁾ О Мессеримидте, см. Историк. Наука и литература в России при Петре Великом, т. I, стр. 259—262.

²⁾ Гмелин Г. И., предисловие.

³⁾ Соловцов, Историческое Обозрение, изд. 2, т. I, 285—286.

⁴⁾ Соловцов, Reise, I, предисловие.

ции времена», в составе 5 глав. В конце 1751 г. головы были и печати следующие шесть глав (VI—XI), а в 1752 г. академию были рассмотрены и одобрены главы XII—XVII, и уже, понятно, были подготовлены на немецком языке главы XVIII—XXII. В феврале 1753 г. Миллер передал Финнеру 23 главы своего сочинения для составления из них сжатого очерка¹⁾. Из этих главы VI—VIII, представляющие обзор внутренних событий в Сибири приблизительно до 40-х годов XVII в., причем отдельные стороны Сибирской истории доведены даже до 1711 г., были напечатаны в «Ежемесячных сочинениях для развлечения и пользы служащих» в 1764 г. (и на немецком языке в *Sammlung Russischer Geschichts-*). В тех же «Ежемесячных сочинениях» разновременно появлялись отдельные статьи, относящиеся к задуманному Миллером труду²⁾: «О первых российских путешествиях и посольствах в Китай» (в 1755 г.), «о торгах Сибирских» (в 1755—1756 гг.), «изложение сумнительств, находящихся при постановлении границ между Российской и Китайским государствами, 1797 года» (1757 г.), «история о странах при Амуре лежащих, когда они были состояли под российским владением» (1757 г.), «описание морских путешествий по Ледовитому и Восточному морю с российской стороны учившихся» (1758 г.), «известие о несении золота в Вухарии, о чиненных для того отираниях и о строении крепостей на Прянише» (1760) и другие. В заключение приходится отметить, что «Сибирская история» Финнера, доводящая наложение приблизительно до 60-х годов XVII века, является в сущности сокращенным переложением соответствующих глав из сочинения Миллера. Таким образом, печатные работы Миллера охватывают фактически почти всю историю завоевания Сибири.

Значение трудов Миллера заключается не только в широте охватываемого ими периода, но и в глубокой их научности. В лице Миллера в русской историографии выступал серьезный ученый типа исследователя-монографиста, необъиковенно четко ограничивавший свои задачи точным восстановлением исторических фактов. «История», говорит он: «не довольствуется одними критическими рассуждениями (гипотезами); она должна показать дела (факты), из которых иные утверждаются на подлинных, а иные на вероятных доказательствах»³⁾. «Я не требую», писал он в одном частном письме: «чтоб историк рассказывал все, что он знает, ни также все, что истинно, потому что есть вещи, которые нельзя рассказывать и которые, быть может, мало любопытны, чтоб раскрывать их перед публикою, но все, что исто-

¹⁾ Некарский. История Академии, I, 405—407.

²⁾ Большая часть этих статей напечатана вместе с тем на немецком языке в *Sammlung Russischer Geschichts-*.

³⁾ Описание Сибирского царства, стр. 36.

рик говорит, должно быть строго истинно, и никогда не должен он давать повод к возбуждению к себе подозрения»⁴⁾.

Неодн раз таких принципиальных соображений, Миллер строит все свои научные выводы исключительно на показаниях источников и забывает всяких собственных догадок, рече того, что ни по каким историческим известиям доказано быть не может. Все, что он пишет, по его собственному заявлению, утверждается «на достовернейших и исключительных частях из проверенных доказательствах»⁵⁾. Он поэтому уклоняется от разрешения этиографических задачек о древнейшем населении Сибири, которые в то время были в моде в научной литературе. «Лучше будет», говорят он, «чтоб древнюю историю о народах, за исключением основательных доказательств, в прошлой темноте оставить, нежели сообщать к ним ложное изъяснение»⁶⁾. Таковы методологические приемы, которых должен, по мнению Миллера, терпеться «предосторожный и беспристрастный историк писатель». Подобные требования к русскому историку в те времена, когда еще не вполне ясны были средневековые дописы, и Сибирь продолжал оставаться главным пособием по истории России, являлись большим шагом вперед в области исторической методологии. Свои взгляды Миллер проходил через полное исполнение не только среди окружавшего его образованного общества, но даже в ученых кругах. По выходе в свет

«Описания Сибирского царства», Академическая канцелярия сделала автору выговор за злоупотребление цитатами: «умотрено», говорилось в указе канцелярии, что в I томе Истории Сибирской «...большая часть книги не что иное есть, как только копия с дел канцелярских, а иначе бы книга надлежавшей величины не имела, то чрез сие накрецко запрещается, чтоб никаких копий в следующие томы не вносить, а, когда нужно упомянуть какую грамоту или выписку, то на стороне цитировануть, что она действительна в академической архиве хранится»⁷⁾.

Канцелярия довольно верно подметила страсть Миллера к биографиям выдающимся историкам из источников. Под влиянием общих его методологических воззрений, у него складывается какой то культ источника. «Кто», говорит он в проекте предисловия к своему «Описанию», «кархивным письмам привыкнет, тот подлинно иные читать будет с удовольствием, как бы намерен читателей или причины удовольствия различны ни были»⁸⁾. Самый слог актов приводит его в восторг. Этюю любовью к подлинному памятнику объясняется то, что он жалеет пропускать из него малейшее известие,

⁴⁾ Некарский. История Академии, I, 381.

⁵⁾ Описание Сиб. царства, стр. 19, 58, 9.

⁶⁾ Там же, стр. 33—34.

⁷⁾ Некарский. История Академии, т. I, стр. 361, стр. стр. 363.

⁸⁾ Некарский. История Академии, т. I, 386.

за что его нередко обвиняли (и несправедливо) в отсутствии критики. «Должность историй инсатедия», говорят он, «требует, чтобы подлиннику со всем в приведении всех, хотя за ложное почитаемых, приключений перию последовать». Истина того, что в историях главнейшее есть, том не затмевается, и здравое рассуждение у читателя вольности не отнимает¹⁾. Поэтому, сам себе ваялие дела, он приводит баснословные рассказы Ремезова о всяких чудесах. Это требование к историку держаться всех подробностей текста объясняется, конечно, слишком свободным отношением современников Миллера к подлинникам. Даже в предисловии к «Описанию» Миллера, составленном помимо автора канцелярией, высказывается мысль о необходимости издать Сибирские летописи, «очистив прежде оные от басней, которые не принадлежат к самому делу»²⁾. Но Миллер понимал необходимость критики текста. Он отметил в «Тобольском летописце» (т.е. в Ремезовской летописи) наивность, «прибавленных» «по первом сочинении», листов, «что не только по письму, но и по находящимся в нем рисункам довольно явствует», и высказал предположение, что все бывшие случаи оных времен не тогда, когда они учинились, но по прошествии многих лет по словесным только обьявлением записаны, отчего могли произойти «ногрениости»³⁾. Он делает резкое различие между подлинником и позднейшей копией, в которой «можно надеяться, ...что и ошибки ...находятся»⁴⁾.

Из Сибирской экспедиции Миллер вывез обширные и разнообразные исторические материалы. Конечно, на первом плане среди них стоит грандиозная коллекция архивных дел (большинство в кошнях), которые он собрал в Сибирских канцеляриях. Нельзя сказать, чтобы работа была пронесена бесупречно. Он действовал лицу: «но сознаюсь при том», говорил он сам последствии: «что я еще не очень знал все, что мне следовало требовать и о чем спрашивать; для этого нужны практические сведения, которые приобретаются только опытом». «Новоначальная моя работа», рассказывает Миллер, состояла в том, чтобы старинные столбцы в книге расположить по годам, потом просмотреть один за другими и отмечать, что следовало из них для меня выписывать... Мне только надобно было ставить знаки на полях, а в перепечниках, которые мне давались (из местных канцелярий)... не было недостатка, и я мог быть уверен, что все, мною отмеченное, будетписано». Впрочем, он не сразу дошел до такой системы. Сначала, по словам его, «требовал я

также реестры архивным делам и по этим замечал, что мне потребно было, а где реестров не было, то переводчик и студенты дела читали и, сколько они по своему рассуждению и моему измерению и к выписке в мои книги что находили подлинного, свое особо откладывали и потом мне для пересмотру приносили. Только в начале 1736 года, начиная с Плимской архивы, Миллер изменил свой метод: «иначе архивным письмам реестру еще не сделано было, то я сам трудился в перекладывании оных по годам и между тем, как реестры изготавливались, одну книгу за другую пересматривал и, что к моему измерению прилично было, свое приказывал выписывать. Сей труд подал мне великую ясность и обстоятельном познании подлинного архивного состояния. Притом же удостоверился я, как то видеть на чужие глаза не надлежит надеяться. Потом, хотя архивы сколь велики ни были, однако, я в пересматривании оных поступал всегда выписаненным образом и имел от того великую пользу»⁵⁾. Таким образом, по мере работы, усовершенствовалась ее приемы, и, хотя благодаря использованию малограмотными перепечниками, в Миллеровских кошнях наблюдаются большие дефекты⁶⁾, они до сих пор остаются тем более ценным пособием при изучении Сибирской истории, что многие из подлинников с тех пор пропали. Миллер не ограничился изучением одних Сибирских архивов. Убедившись, что первоначальные сношения с Сибирью или через Чердынь, он ознакомился с состоянием местного архива; из семейного архива баронов Строгановых он извлек изложенные грамоты XVI века, позволившие ему осветить роль Строгановых, о которых очень мало говорили найденные им в Сибири летописи (Есиновская и Ремезовская); он, наконец, открыл такой ценный памятник, как Ремезовская летопись («Тобольский летописец»). Не довольствуясь русскими источниками, он привлекал также и восточные рукописи, например, старокую рукописную книгу Абулгазову⁷⁾. Для него переводили отрывки из Мунгальского летописца⁸⁾; он пользовался сокращением Китайской истории, составленным из лучших китайских и маньчжурских летописей академическим переводчиком, искусным и трудолюбивым Россохиним⁹⁾.

Помимо письменных источников, Миллер придавал большое значение устному преданию и умел им пользоваться¹⁰⁾. Он является одним из первых собирателей сибирского фольклора,

¹⁾ Некарский, История Академии, I, 321—322, 325.

²⁾ Ограблены, статья в «Библиограф» 1889, № 1 и № 8—9. (Герард Миллер и его отношение к первоисточникам. К вопросу об историографе Миллера).

³⁾ Опис. Сиб. царства, 51.

⁴⁾ Там же, 22—23.

⁵⁾ Там же, 23.

⁶⁾ Некарский, История Академии, I, 340.

⁷⁾ Описание Сиб. царства, стр. 121.

⁸⁾ Описание тогдашнего учного издательства см. отрывок Иллера, в его «Privat und öffentliches Leben», об издании Нестора Таубертом.

⁹⁾ Описание Сиб. царства, стр. 124, 136, 178, 180.

¹⁰⁾ Там же, 72.

как русского, так и туземного¹⁾, и в его книге встречаются беспрестанно непосредственные ссылки на словесные источники. Так, он собрал много легенд об Ермаке; об его судах, остатки которых видны «еще и воине между Баранчию и Серебрянкою, он узнал от «многих живущих на тех местах русских и татар»²⁾; по словесному преданию тамошних жителей о пещере на берегу Чусовой, в которой Ермак будто бы спрятал свои сокровища, он спрашивал людей, «которые в той пещере были»³⁾; о том, как Ермак ехал по Чусовой «помощию распостертых парусов... на подобие сююзов», ему сказывали «чусовские жители»⁴⁾. Особенно любопытны записанные им туземные предания, в частности «словесные сказки тобольских татар»; он сам говорит, что велически старался изведать, сколько оних еще имею у своего народа содержится. «От многого обходительства, которое... (он) имел с разными тобольскими бухарцами и татарами», Миллер надеялся приобрести ценные исторические сведения, тем более, что сумел заслужить их доверие, и они «не сомневались» открывать ему свои «тайности»⁵⁾. Так, «по словесному объяснению татар и бухарцев», он записал легенды о введении Кучумом магометанского исповедания в Сибирь и об установлении культа местных сиятий, «которых помять татаре и иоине празднуют»⁶⁾. От них же он «о подлинных проишедших случаях кн. Сейдика более обстоятельств услышал»⁷⁾. Из татарских, вероятно, устных источников попала в его книгу любопытная родословная сибирских сенцов⁸⁾. «Некоторый духовный человек бухарец» в Тобольске перевел ему родословие сибирских ханов из Абульгази⁹⁾; в другом случае «некоторый учений мунгальский Лама или пон» сообщил ему сведения о начале «Чингисона владения» из тангутских (тибетских) и мунгальских книг¹⁰⁾. В Красноярске он нашел старика-аринца, единственного человека из этого народа, говорившего еще на своем родном языке, и через него он

¹⁾ До Миллера к этому источнику обращался Штадленберг, записи которого Миллер проверил при сношениях с туземцами. Предания, в частности туземные, использовались автором и исторических повестей XVII в., в том числе Ремезон.

²⁾ Опис. Сиб. царства, 106.

³⁾ Там же, 101. Предание об этой пещере есть и у Вигасена.

⁴⁾ Там же, 102—103.

⁵⁾ Там же, 70, 193.

⁶⁾ Там же, 50—51. Соответствующие легенды существуют до сих пор среди тобольских татар и были записаны Радловым. См. Ежегодник Тобольского музея, вып. VII, (Каталог). Предания тобольских татар о пребывании в 1572 г. мухаммеданских проповедников в р. Искер. Об «смыслах» магометанских сиятий см. там же, вып. XIV, ст. Катанова. О религиозных воззрениях учеников шейха Багаудина и т. д. (по рукописям Тобольского музея).

⁷⁾ Опис. Сиб. царства, 50.

⁸⁾ Там же, 58. Родословная эта записана и Радловым (см. Ежег. Тоб. Музея, вып. VII и Сибирский Сборник, 1887 г. (ст. Катанова)).

⁹⁾ Опис. Сиб. царства, 51.

¹⁰⁾ Там же, 4. Вторична Миллера с этим ламой описана у Ремезона, II, 114—118.

проверил точность записанных Штадленбергом легенд о происхождении его народа¹⁾. У тюменских татар он спрашивал про древнее название их города²⁾, у кочующих около Байкала бурят про местонахождение легендарного Чинсие-хана («татара»³⁾). Он пользовался точно также бухарскими и калмыцкими караванами, ходившими между Томском и калмыцкими улусами, чтобы узнать «по своей науке разные чужестранные известия»⁴⁾. Приведенных примеров достаточно, чтобы показать, как далекошли изыскания Миллера и области туземного фольклора Сибири, а точность его записей подтверждается многими из записей таких специалистов-востоковедов, как Радлов и Катанов.

Одной из любопытных сторон исследований Миллера в Сибири является восстановление им на месте древней топографии изучаемой страны. Все названия урочищ, встречающиеся им в актах и в летописях, он при своих поездках по Сибири старался отождествить с существующими. В некоторых случаях оказывалось, что отдельные названия «у тобольских татар совсем из памяти вышли»⁵⁾, но, как общее правило, он спрашивал блестящее с своей задачей. Указку в виде примера восстановление топографии похода Богдана Брягина⁶⁾ или выяснение местоположения географических пунктов, упоминаемых в царской грамоте князю Лугту⁷⁾. Но мере возможности, он на месте искал следов старинных поселений, упоминаемых в актах. Он обстоятельно описал «остатки» «столичного города» Кучума, Некера⁸⁾, Самарово городище⁹⁾, следы «старинного татарского городка» под Тюменью¹⁰⁾, «остатки соляной варницы XVII в.¹¹⁾ и другие исторические урочища.

Не менее любопытны этнографические исследования, произведенные Миллером в Сибири. Он не упускал случая наблюдать обычай и нравы туземцев: в Тобольске он присутствовал на татарской свадьбе и на обряде обрезания, при проезде через различные местности вынуждал к себе шаманов соседних племен и заставлял их шаманить перед собой и т. д.¹²⁾. Эти наблюдения вылились в специальном труде: «О народах, издревле в России обитавших», но они давали известный материал и для историче-

¹⁾ Опис. Сиб. царства, 31—32.

²⁾ Там же, 44.

³⁾ Там же, 3.

⁴⁾ Некарский, Ист. Академии, I, 324.

⁵⁾ Опис. Сиб. царства, 49.

⁶⁾ См. главу III Описания Сиб. царства.

⁷⁾ Опис. Сиб. царства, 205—208.

⁸⁾ Там же, 134—136.

⁹⁾ Там же, 161.

¹⁰⁾ Там же, 213.

¹¹⁾ Ежег. Сен., 1764, янв., 20—21.

¹²⁾ См. у Гимелина, passim. Напр. I, 136—144, 163—167, 283—288, 297—300; II, 44—45, 82—89, 351—365, 491—497, 501—506 и др.

ских суждений¹⁾. То же надо сказать о лингвистических заявлениях Миллера в Сибири; он необыкновенно старательно собирал и записывал тунгусские наречия; так, например, в Туруханском он нарочно задержался длинее времени, чтобы дождаться прибытия аманатов языков тавров, чтобы познакомиться с их языком²⁾. Богатый материал по наречиям сибирских инородцев, собранный Миллером, был последствии использован Финнером.

Наконец, Миллер во время своего путешествия производил с уединением археологические изыскания. Не без волнения читаются в книге Гмелина описание археологических открытий его и Миллера: обследование развалин стенных калмыцких монастырей, вроде «Семи Надаев» и Аблай-Кита, откуда вывезено было большое количество тангутских и монгольских рукописей, раскопки могил, не лишенное опасности проникновение в нешеру, в которой будто бы был похоронен «кошевый царь» и т. д.³⁾. Результатом этой стороны работы Миллера явились статьи: «De scriptis Tanguticis in Sibiria repertis»⁴⁾, «Написание о некоторых древностях, в могилах найденных»⁵⁾ и «Von den alten Gräberen in Sibirien»⁶⁾. Впрочем, в пачечатанных исторических трудах по Сибири Миллер мало пользуется археологическими данными; при тогдашнем состоянии археологии его осторожный ум воздерживался от слишком скорых выводов на основании немногих и мало изученных вещественных памятников.

Я не касаюсь общирных исследований Миллера по географии Сибири, в частности его картографических работ. Отмету лишь, что предварительное географическое изучение страны было необходимо для ученого, бравшегося за изображение последовательной колонизации областей, о которых еще очень мало имелось точных сведений.

Таковы разнообразные материалы, которыми пользовался Миллер для составления истории русской колонизации в Сибири. Можно с уверенностью сказать, что никто ни до него, ни после него не приступал к историческому труду с таким основательным запасом сведений, проверенных на месте и освещенных собственными наблюдениями. В общирном и разностороннем подборе материала сказалась основная черта Миллера, как историка: его страсть к восстановлению исторического факта, строго проверенного и установленного с ригорической точностью. Выяснение

¹⁾ См. напр., Опис. Сиб. герба, 120. Ср. Ежемес. Собр. 1764, янв., 42.

²⁾ См. в Гл. Reise, III, 219.

³⁾ См. напр. у Гмелина, I, 215—217, 232—237, 241—242; II, 93—96, 108—113 и др. См. также «Сибирские древности» Радлова, т. I, вып. 3, где напечатана и приложенна поддержка за инструкции Миллера Финнеру, касающиеся археологических изысканий в Сибири.

⁴⁾ В «Commentarii Academiae Petropolitanae», X, 1747.

⁵⁾ В «Ежемес. Сомнитех», 1764 (перев. на нем. язык в St. Petersburg. Journal).

⁶⁾ В «Beylagen zum neuverbindeten Rosländ», 1770.

малейшей детали представляется ему важным, и он пишет ее и в словесном представлении, и в вещественных остатках старины, и в посточной литературе. Привычка оперировать с фактами, полученнымными из первоисточников, отразилась и на самых приемах его работы. Миллер любит и умеет критически разобраться в запутанных вопросах там, где у него имеются для того определенные данные в источниках; он искусно сооставляет различные известия, сравнивает показания различных памятников и делает на этом основании осторожные и веские выводы, но только в том случае, если архивные источники дают для того достаточный материал. Для примера можно привести прием, которым он устанавливает год постройки Мангазеи на основании росписного списка 154 года, в котором упоминались дела «прошных лет со 109 году»¹⁾ и т. д. Зато там, где он не чувствует под руками помощнико подлинного памятника, он не старается делать островероятных догадок, и просто признается в своем неведении. Так, он не пробует разобраться в запутанной хронологии исхода Ермака, и откровенно заявляет: «не намерен я простираю объяснять о находящейся здесь неизправности в счислении времен, и выше начинать сомнение»²⁾. Можно сказать, что человек, привыкший работать над фактами, Миллер теряется, когда, за отсутствием таких, ему приходится переходить к отвлеченным соображениям.

Итак, и по своим принципиальным взглядам на задачи истории, и по подбору материала, и по приемам работы—Миллер был призван к составлению фактической истории русской Сибири, и в этом, несомненно, его большая заслуга. В то время когда за отсутствием точных исторических данных, обычного типа «истории писатель» склонен был передко заменять собственными домыслами то, чего он не находил в источниках, и прикрывая бесодержательной реторикой недостаток научного метода, Миллер дал документально-обоснованный очерк истинной истории русской колонизации Сибири, каждый факт в котором был проверен на основании подлинного памятника и каждое утверждение опиралось на большую предварительную работу над источниками.

Работу Миллера часто не дооценивали и современники и потомки. Сотрудник и конкурент Миллера Финнер, популяризировавший под своим именем его исследования по Сибирской истории, тем не менее, говорил преисбрежительно о его трудах, что и подъячего посредственного разума довольно к сочинению Сибирской истории, ежели архивы прилежно прочтет и вынимет и соберет все, что слышал от сибирских промышленников³⁾.

¹⁾ Описание Сиб. герба, 290.

²⁾ Там же, 124—125.

³⁾ Члены О-ва Нег. и Др. Рос. 1866, III (Академии Миллер и Финнер и Описание Сибири).

В письме к Миллеру видел в нем «колossalное трудолюбие, не сопровождавшееся ученостью». За... бесконечную работу сочинения, часто граничившую с механической работой списания, не мог бы изъяться настоящий ученик. Здесь необходим был периороботий — здоровый, сильный чернорабочий, от которого ничего не нужно, кроме усердия и здравого смысла. Так характеристика совершенство соприходства Миллера, конечно, не может ити в сравнение с Илленером, создателем научной исторической критики Европы: у него нет широких захватывающих построений; его методологияические приемы не создают новых путей исторического исследования. Но он работает строго научно; это область — учения монографии, без штатных гипотез, без смелых перспектив, без широких обобщений, но обогащенных научно, с хорошим знанием источников, с всесторонним изучением вопроса, с исчерпывающими данными. Он приближается к тем на историке начали XX века, которые до известной степени отказались от отмеченных общих схем и предпочли архивную работу над определенно очерченными отдельными вопросами русского прошлого. Миллер не просто привлек к выяснению истории Сибири громадный архивный материал, не только разобрался в нем критически, но сумел на основании сырых источников дать картину последовательного хода русской колонизации Сибири, и, какие бы поправки ни вносились в детали его работы, надо признать, что в пределах, им себе поставленных, он достиг своей цели и дал исторический обзор постепенного завоевания страны, к которому очень мало что можно прибавить, и до сих пор, кто бы ни взялся за историю Сибири, исходным пунктом является «Описание Сибирского нарства» Миллера. Он создал скелет Сибирской истории, бесхитростную схему, разобрав и спаяв в одну последовательную нить разрозненные, передко запутанные факты, и сделал это в то время, когда подобной работы еще не было произведено в области Русской истории в целом. Вследствие странного стечения обстоятельств, благодаря Миллеру, у нас история Сибири определила, таким образом, историю всей России. Эти свойства работы Миллера, ограничились на дальнейшей разработке Сибирской истории. Все последующие ученые в значительной степени оказывались в зависимости от его «Описания» и от собранных им материалов. Была дана готовая картина истории Сибири, научно обоснованная, отчуждая и точная, а в письмах к Миллеру были готовы подбор материалов. Не требовалось ни новых архивных поисков, ни тем менее коренного наущения повтора заново.

¹⁾ Миллюков, Главные течения русской истории, том I (под. 1898 г.), I, 81—82. Автор, по-видимому, находился под влиянием томов, по не всегда беспристрастных взглядов о Миллере Шлёттера (*Schlötter's öffentliches und privat Leben*, 1895).

Первым исполнителем наследие Миллера академик Финнер¹⁾, которому в 1773 году сам Миллер передал готовые главы своего сочинения для составления из них сокращенного издания, рассчитанного на более широкую публику, чем написанное для специалистов «Описание Сибирского нарства». Участник Камчатской экспедиции, слишком ленивой, самоизданной и неуважительной, чтобы браться за самостоятельную работу, в тому же совсем не специалист по русской истории (он был хорошим лингвистом и посредственным востоковедом), Финнер отнесся к своей задаче совершенствуясь формально. Вышедшая в 1777 г. на немецком языке, а по смерти его в 1774 году на русском языке, его «Сибирская Повесть с самого открытия Сибири до завоевания сей земли российским оружием» представлена в сущности сокращенным пересказом соответствующих глав Миллера. Написанная без тяжеловесного научного аппарата, без наименований подробностей, она, по-видимому, отвечала потребностям широкого к серьезному чтению общества, тяготившегося слишком длинными цитатами у Миллера и его шумными рассуждениями. Весь план работы, весь фактический материал — все заимствовано у Миллера, на что, впрочем, Финнер откровенно указал в предисловии к немецкому изданию²⁾. За исключением незначительных разницений, Финнер ушел от себя лишь рассуждения об древней этнографии Сибири, от которых в свое время осторожно воздержался Миллер, но которые тоже основана на его материалах.

Второе Караганн пришел несколько новых источников по истории Сибири (например, Стровианскую летопись, которой он с основанием придал большое значение), но легко убедиться, что и он идет по стопам Миллера, который служит ему путеводной линией в добре Сибирской истории. При просмотре примечаний к соответствующим отделам «Истории Государства Российского», видно, что даже там, где он не называет Миллера, он в сущности повторяет его, и между строк, выглядывает лицо первого историка Сибири.

Не только современники, как Финнер, и писатели близкие к Миллеру по времени, как Караганн, находились в зависимости от него, но и гораздо позже исследователи древней Сибири продолжали оставаться под сильнейшим влиянием трудов Миллера. Начиная с того, что основным фондом, из которого долгое время черпались материалы для истории Сибири оставались коллекции документов, накопленных им из Сибири. Его неистощимые портфели, хранящиеся в Петербургской Нубличной Библиотеке и в Московском Архиве б. М-ва Иностр. Дел, снабжали и течение всего XIX века издателей исторических актов

¹⁾ Некарский, История Имп. Академии Наук, I, 368, 682, 635. Для характеристики Финнера см. там же, 51, 619—622.

²⁾ В русском издании предисловие не было помещено, благодаря чему за «Историю Финнера» установлено стала самостоятельной работы.

богатым подбором сибирских документов. Отсюда по большей части, заимствованные акты, напечатанные в Собрании Государственных Грамот и Договоров, в Актах Исторических и в Дополнениях к ним, по II томе Русской Исторической Библиотеки (вышедшем в 1875 г.), в Памятниках Сибирской Истории (изданных Археографической Комиссией в 1882—1885 гг.) и даже в Актах временного царствования Василия Шуйского, изданных Государевым в 1914 году. Указатель делам и рукописям, относящимся до Сибири в Архиве М-ва Юстиции, Дел, составленный Чупилло в 1879 г., в сущности представляет собой почти исключительно перечень документов из тех же Миллеровых портфелей с очень небольшими и далеко не полными указаниями на документы, хранящиеся в других отделах того же архива. С выходом в свет «Нового Собрания Законов» к собранию Миллера присоединилась напечатанная в этом издании коллекция официальных документов, относящихся к Сибири. В 1866—67 гг. известный исследователь Сибири Ногаин напечатал в «Чтениях О-ва Истории и Древностей Российских» под заглавием «Материалы для истории Сибири» экстракты из архивных дел XVIII века, и только в 80-х годах начинают печататься в более или менее большом количестве материалы, самостоятельно извлеченные из дел Сибирского Приказа, хранящихся в Архиве б. М-ва Юстиции¹⁾. В 1889 году известный знаток делопроизводства этого Приказа И. Н. Оглоблин впервые обратил внимание на дефекты в Миллеровских списках и высказал мнение о необходимости издавать подлинники²⁾.

Не менее продолжительное было влияние трудов Миллера на приемы разработки и на общее построение Сибирской истории. Ими продолжали пользоваться исследователи в течение всего XIX века. Примером могут служить вышедшие в 80-х годах работы Щеглова и Андреевича. Щеглов составил «Хронологию Сибирской истории», нечто вроде погодной летописи Сибири с XI века до 1882 года, труд очень добросовестный и не лишний пользы справочник. В основе этого справочника, поскольку дело идет о XVI и XVII веках, у него положен Миллер. Еще яче зависимость Андреевича от Миллера. Написанный им «История Сибири»³⁾ (от древнейших времен до походения Елизаветы Петровны) является незамысловатой комиляцией из не очень многочисленных, известных ему, исторических трудов по Сибири.

¹⁾ Рус. Ист. Библ., т. VIII, 1884 г.

²⁾ Оглоблин, описание статей прилож. Сиб. Приказа, I, 10. Его же статьи в Библиограф. 1889, №№ 1, 8—9.

³⁾ Выходя в 1889 году, сразу того же выпуска «Краткий очерк истории Забайкалья от древнейших времен до 1762 года» (1887), «Пособие к написанию истории Забайкалья» (1889), «Исторический очерк Сибири по данным представляемым польским Собр. Записок», т. II и III (1886—87), «Сибирь в царств. Екатерины II. 2 ч. (1887—9). «Сибирь в XIX в.» (1889).

Он стоит всецело на почве «Описания Сибирского царства» и его продолжения и «Ежемесячных Сочинений» и у Финнера; его не коснулись даже богатые материалы по истории Сибири того же Миллера, напечатанные Археографической Комиссией и использованные отчасти Соловьевым в «Истории России». Не только подбор фактов, но и самыи планы (для истории XVI и XVII вв.) им заимствованы рабски у Миллера. Там, где кончатся данные Миллера, он используется Ногаином Собранием Законов и Щегловым. Еще менее затейливы другие его работы, обнимающие историю Сибири в XVIII и в первой четверти XIX века, на которых отразилось отсутствие руководящей схемы, какую для предыдущих исследований давал ему Миллер.

При всех своих достоинствах труд Миллера, однако, не удовлетворяет всем требованиям русской исторической науки XIX в. Даая прекрасную руководящую линь для дальнейших работ, Миллер рисует лишь внешнюю историю колонизации Сибири и совершенно не касается внутренней стороны этого процесса. Он сделал первую необходимую работу, без которой невозможно было бы изучение прошлого Сибири по существу, он облегчил своим последователям это изучение, но очень рано, уже в 30-х годах XIX века, явились потребность глубже проникнуть в процесс заселения Сибири русским элементом и в связанные с ним явления. Первую попытку в этом направлении сделала ученица сибиряк, Петр Андреевич Словцов.

Словцов—чрезвычайно интересная фигура. По своему воспитанию, по мировоззрению это типичный человек XVIII века, интонации духовной семинарии, принявший в себя все недостатки семинарской сколастики с тем рационалистическим налетом, который посыпало официальное богословие эпохи господства «Разума»; по методам работы и еще более по постановке вопросов — это вполне ученый XIX века. Представитель условной учености духовной школы, друг и товарищ Сперанского, учитель философии и злоключений в Тобольской семинарии, он в середине 90-х годов XVIII столетия привлек внимание тобольского общества своими проповедями; эти проповеди, составленные в стиле тогдашнего духовного красноречия с некоторым уклоном на сторону того легкого литературного либерализма, который характерен для эпохи Екатерины, — мечта ума, бредившего будто сквозь сон, кидавшегося то к вере, то к сумурдии и всегда старающегося прикрыться темнотою речи, чтобы не была замечена пустота его, как выражался не без некоторого основания один из его духовных критиков, — имели большой успех и раз с два не напекли на него кару за занесшееся в один из них нечто непозволительное. Словцов был вызван к ответу в Петербург, но последовавшая смерть Екатерины подожгла конец начавшемуся было делу, и в дальнейшем мы видим его с 1797 по 1808 г. в роли неудачного чиновника при канцелярии генерал-прокурора. Ка-

кая-то неосторожность или неловкость с деньгами, несколько похожая на взятку, прервала его службу в Европейской России и бросила его снять в Тобольск. В ссылке, числясь в чине тобольского генерал-губернатора, еще веря в покровительство исключенного Сперанского, он тяготился своим изгнанием и рвался обратно в Петербург, пробовал даже вернуться туда без разрешения в свите генерал-губернатора Нестеля, но был возвращен в изгнание. Человек, перед которым мельхиора было блестящая карьера, покорился судьбе, служил в Сибири, смылся с своим положением, принял изучать Сибирь, ее настоище и прошлое, много ездил, много наблюдал и читал все, что попадало под руку. Уже в 1826 году вошлились его «Письма из Сибири», а в 1830 году «Прогулка вокруг Тобольска», написанные в искусственном тонах сентиментальных путешесий XVIII века с вводными разговорами, с рассуждениями на высокие темы, но выражавшие самобытный интерес этого своеобразного самоучки к географии и истории Сибири. Наконец, «праздный в старости и свободный от сует», он принял за составление своего капитального труда, которому он присвоил «скромное полужиря» «Исторического Обозрения Сибири», вышедшего в свет в 1838—1844 гг.¹⁾.

По внешней форме «Обозрение» является произведением XVIII века, написанным в исполном стиле ученических семинарских работ того времени. Читатель, при первом знакомстве с его книгой, испытывает чувство недоумения и с трудом разбирается в его занудлении, порой ирреалистичном, порой наивном изложении. На каждом шагу встречаются неожиданные реторические отступления. Автор то и дело погружается в религиозные размышления: «о вечный!», восклицает он: «если твой лучезарный шар в так преходной степени благоворен на краях полузаурядной окраины, сколь искренно ты сам преисходишь в благословиях видимых и нестигаемых, но более и нестигаемых, хотя и видимых!»²⁾. Но поводу недолговечности губернского разделения Петра, он пускается в рассуждения о бренности земного: «такова судьба человеческих творений! Единому Богу принадлежит раз навсегда сказать: да будет свет! и быть свет навсегда»³⁾. Он любит моральные сентенции: «ненасытный человек, для чего тяжкие опыты нужны тебе и мне», говорит он по случаю ссылки гетмана Самойловича: «чтобы увериться, какой малости довольно для здоровья и здорового духа»⁴⁾. И на ряду с этим мелькают рассуждения в духе рационалистической философии XVIII века; он пишет, например, про «народ, дикий, между собою

только смыкшийся, как табун стенных лошадей, без правды естественной, без понятия о человеческом праве собственности, понедышакомый с правдивою честью»⁵⁾. Иногда проявляется просто страсть к причудливым литературным оборотам: «история», говорит он: «склоняется без осмежания, как и перескальвает без злости»⁶⁾. Но из-за этой старомодной и непривычной нам формы проглядывают острый взгляд умного наблюдателя и точная мысль ученого, ученого, может быть, линейного школы (так как семинария не давала такой школы), но обладавшего природным здравым смыслом и путем самостоятельного размышлении сумевшего стать на высоту чисто научных заданий. Словцов пришел к заключению, что Миллером дело сделано в половину. «Касательно существования о приобретении, заселении и дальнейшем завладении страны от Урала до Амурской губы», говорит он: «то дело сделано Миллером, светильником архивов, уже истребленных огнем и временем»⁷⁾. Он и Фишер передали нам память всех происшествий, с первых дней покорения Сибири с такими подробностями, какие во маловажности дел едва ли уместятся в истории, пишущей общих или родительных взглядов⁸⁾. Очертил современное положение вопроса об истории Сибири, Словцов ставит вопрос: «что остается делать?». И отвечает, что надлежит «воздвищить в памяти сибиряков изменчившийся состав управления... напомнить постоянность мер и видов правительства, более или менее посуществовавшего благоустройству или безопасности страны, выставить учреждения, ускорившие или замедлившие проявление сил жизни, более всего представить жизнь частную и общественную». Ниаче говоря, он ставит себе целью изобразить внутреннюю историю колонизации и эволюцию форм общественности на сибирской почве: «он мыслит», говоря его словами, «что это зов его, слышимый из-под развалин 250 лет»⁹⁾. В процессах, сопровождавших колонизацию, он ищет единство не техническое, но внутреннее, живое единство, которому во временем поучает голос народный и постоянно само правительство¹⁰⁾. Задача историка и заключается в том, чтобы выявить это единство: «протянуть через данное пространство времени нить историческую»¹¹⁾. Для Словцова основным фактом, которым объединяются разрозненные исторические явления, представляется распространение культуры, которая олицетворяется для него в двух понятиях — «правосудия» и «православия». Медленные успехи культуры изображаются им, как «борьба с духом мира, навидимому

¹⁾ Обозрение, 2-ое изд., I, 100.

²⁾ Там же, I, 125.

³⁾ Там же, I, предисловие, XX.

⁴⁾ Там же, I, 285.

⁵⁾ Там же, I, предисловие, XXI.

⁶⁾ Там же, II, предисловие, VII—VIII.

⁷⁾ Там же, I, предисловие, XXVIII.

⁸⁾ Биографические данные о Словцове собраны в предисловии ко 2-му изданию «Обозрения». Биографию о Словцове см. у Бажки, Памяти П. А. Словцова, как историка Сибири.

⁹⁾ Обозрение, 2-ое изд., I, 298.

¹⁰⁾ Там же, I, 161.

¹¹⁾ Там же, I, 176.

побеждаемым и лично воинствующим». Рационалист, как все люди XVIII в., в этой борьбе он приписывает главную роль организованным социальным силам: государству и церкви, и следит внимательно за тем, какие меры были приняты правительством для правосудия, и какие успехи озабоченыны сынами церкви в деле православия. Но смутно он слышит в изучаемых событиях и «голос народный» и своим своеобразным тяжеловесным языком отмечает роль масс и сложность факторов в изучаемом им процессе: «в духе целой страны или толпы, которая еще не сложилась», говорит он по этому поводу: «не видно общего цвета». В общем итоге, как он и отмечает в заключение своего II и последнего тома, все это изложение имеет целью показать, «далеко ли подвинулись в своем иществии православие и правосудие, разлучные подруги народного благоденствия»^{1).}

Перенос центра научения с внешней истории на внутренние процессы, Словцов естественно должен был группировать исторические факты иначе, чем это делали его предшественники. Его интересует не хронологическое перечисление фактов, а их внутренняя связь. Так, он рассматривает колонизацию в известной схеме, «не по преемству времени, а по порядку и надению рек»^{2).} При этом он делает выбор из этих фактов, отметая, как мы видели, те, «какие по маловажности дел одна ли уместятся в истории, ищущей обиц или родительных взглядов»^{3).} Рассматривает он их исключительно со стороны их внутреннего содержания и тех идей, которые в них выражаются. Например, трактаты с соседними государствами представляются ему «одною скорлупою»: «самое ядро заключается в помыслах, какие правительство танло или выражало в рассуждении южно-сибирских соседей»^{4).}

Исходя из таких общих соображений, Словцов всю историю Сибири разбивает на четыре периода: 1) до 1662 года, 2) с 1662—1709 г., 3) с 1709—1742 г. и 4) с 1742—1823 г., и внутри этих периодов группирует отдельные вопросы, но существу, а не хронологически. Система, по которой им рассматриваются явления каждого периода, впрочем, не выдержана. Для первых периодов (до 1709 года) он держится следующего плана. Во-первых, он изображает «обстоятельства Сибири» за данный период, т.-е. дает очерк «возобладания Сибири» и «образ заселения и завоевания страны» и условий колонизации (бедствия народные и забавы); далее описывает «учреждения» и «указания»; под эту рубрику подходит финансовые меры правительства, организация гончары и десятинной нации, пути сообщения и т. д.; последним разделом являются «следствия»; под этим словом

¹⁾ Обзорение, 2-е изд., II, предисловие, VIII и 292.

²⁾ Там же, I, 21.

³⁾ Там же, I, 255.

⁴⁾ Там же, I, 166.

Словцов понимает те новые факты, которые явились результатом колонизации: сношения с азиатскими народами, торговля, состав и численность колонистов. Этого плана, не лишеннего единства, автор уже не держится при описании двух последних периодов (с 1709—1823 г.). Тут он располагает материал по следующим рубрикам: 1) географический очерк Сибири, 2) завершение процесса завоевания страны и сношения с соседними государствами, 3) организация управления (о составе управления в III периоде, «разделение Сибири на две губернии с общими на нее взглядами» в IV периоде), 4) государственное хозяйство Сибири (о умножении государственного богатства и мероприятия правительства в хозяйственной области), 5) проповедание (в двойном значении: распространение христианства среди инородцев и просвещение среди русского населения), 6) торговля и промышленность; горные промыслы, искусства, 7) быт населенцев («жизнь Сибирская») и 8) сведения об отдельных городах и местах.

При всей невыдержанности общего плана, основное направление проявляется в нем с достаточной последовательностью. Работа была задумана широко и на новых началах. Предполагалось дать полную и систематически наложенную картину внутренних процессов, которыми сопровождалось продвижение русской народности по территории Сибири. Другой вопрос, насколько Словцов справился с поставленной им самим себе задачей? Его труд для его современников-сибиряков явился своего рода откровением, ключом к пониманию прошлого их родины, но, конечно, в целом задача им не была и не могла быть выполнена. Причиной тут была, во-первых, скучность имеющихся у него материалов. Для XVI и XVII веков источником его знаний служили почти исключительно Миллер и Полиое. Собрание Законов, «Я тунеядец», говорит он про себя: «который пользовался услугами чужих упражнений и не умел в свое время поставить себя в доступность к архивным папкам»^{1).} Даже Акты Археогр. Экспедиции он не смог воспользоваться, так как получил их «поздно», «по совершенном изготовлении» I части Обозрения. Отсюда, случайность и неполнота сообщаемых им фактов, проблемы по многим существенным вопросам. Отсюда, наконец, он никакое ведение прямого познания: так десятинюю мягкую рухлять он считает формой ясака, деньги отождествляет с конейкой, обнаруживает открытие Дежнева «по недоказанности права» и т. п. Далее, сильно дает себя чувствовать отмеченный выше недостаток научной школы. Природный здравый смысл иногда заменял ему такую школу: он, например, обратил внимание на «преувеличение показание Никоновского летописца на счет дани Едитеровой», которое до сих пор принимается многими

¹⁾ Обзорение, 2-е изд., I, предисловие, VIII.

исследователями на веру¹⁾. Но чаще всего это отсутствие методических приемов делает его работу бесплодной, и не всякое критическое и научное соображение устоит, употребляя его выражение, «при настоящей археографической перструске». Одной из любопытных сторон его труда являются статистические выкладки; можно сказать, что он одним из первых приложил к историческому труду приемы статистического исследования, но если позднейшие статистические данные, сообщаемые им, интересны и важны, то для раннего времени они совершиенно фантастичны. «Представление Сибирской населения в числах», говорит он: «есть дело соображений, потому что ни легенды, ни грамоты древние, доныне известные, не помогают этому делу». Он, как сам сознавался, не мог быть столько хладнокровным, чтобы не ножелать доказательств, сколь людна была Сибирь в I и во II периодах, дабы самим усилием изыскания дойти до указаний населения, по «основания», по каким он брал ту или иную цифру, в научном отношении не безупречны. Он сам говорит, что «ощущаю» находил число духовенства, казаков и чинов управления, потому что не было острога, не говоря о городе, без священнослужителя, не было острога без начальника и подъячего, не было зимовья без полудюжины казаков». «Вот данные для счисления трех сословий, а счеты прочих пополнены произвольно приштыми. Ведь сибиряки не из земли выросли!»²⁾.

Однако, все эти дефекты в значительной степени оправдываются широтой и свежестью илана, правильностью и чуткостью кругозора и особенно той любовью, с которой Словцов подходит к своему предмету. Он любил Сибирь и «принимал к сердцу как усмешку, так и скорбь родины». «История страны неизвестной, замуя среди не斯特рых правов и обычаев, без мечтаний славы, без проявлений гения, без побед, без политики, история, не видавшая у себя великих мира, кроме великих изгнаников его, наседавших, вместо Эллорских храмов, одни курганы и непрочитанные на утесах имена», много говорит этому отзычному сибиряку³⁾. Другая черта его работы: ее непосредственность. Он принялся писать о Сибири, знай ее не по книгам, «нечертить Сибирь разъездами»⁴⁾, и это чувствуется всегда. У него много добродушной наблюдательности умного старика. Понадаются меткие характеристики его соотечественников-сибиряков. Вот, например, характеристика сибирской речи: она—превосходна. «Сибирский разговор», пишет он: «ленив и холoden, но без легкомыслия, не текуч и малословен, как бы с числом и весом, и, к

сожалению, темноват по привычке пропускать глаголы, оживляющие мысль. Переезжая из Екатеринбурга в Тобольск, замечавши чувствительную разницу в разговоре и от того, что он свертывается в домашний и томится около своих муравейников. В Иркутске тем чувствительнее разница, чем далее от России... «Наше наречие», пишет он в другом месте: «удержало обветшающие слова, уполномочило самодельные и перенесло ударения многих»⁵⁾. У Словцова есть много списка и правов, сказанных с жизни, и он нередко незаметным образом переходит в мемуарный тон, отдаваясь воспоминаниям о тех временах, когда «в дни губернаторства (Чичерина) столько величавого, сколь благоверенного» он, будучи «в отроческой возрасте», слышал, как Чичерин, «проходя сквозь ряды учащихся, отвечал на латинское приветствие латинскими словами»⁶⁾.

Словцов ирландски поставил задачу, но он же ясно показал, что с наличными материалами разрешить ее нельзя: необходима была предварительная работа по первоисточникам. Еще в 1886 г. Семёновский по поводу нового издания «Исторического Обозрения Сибири» должен был отметить, что наука мало ступила вперед за истекшие полвека с момента появления и свет этой книги и что остаются неизученными обширные материалы бывшего Сибирского приказа. Ему представлялось «не мало чрезвычайно важных вопросов», ждающих разрешения: «история колонизации Сибири, не ограничивающаяся одной хронологией населенных мест..., а исследующая этнографическую и экономическую сторону этого явления, история крестьян..., история городской жизни, история сибирского казачества, история торговли, цех, домашней жизни и проч.»⁷⁾. Нетрудно усмотреть, что это и сущности илана, по которому мечтал построить свое Обозрение Словцов.

Первая попытка подойти к разрешению поставленной Словцовым задачи на основании полного и всестороннего изучения дел Сибирского приказа была сделана проф. Буцинским в его книге «Заселение Сибири и быт первых ее населянников» (Харьков, 1889 г.) и в дополняющих это исследование статьях в Записках Харьковского Университета за 1893 год. Замысел Буцинского чрезвычайно интересен. Он пришел к заключению, что, прежде чем писать историю Сибири, необходимо всестороннее монографическое изучение отдельных уездов, из которых складывалась Сибирь. В изданных им сочинениях он успел произвести такую предварительную работу для уездов Верхотурского, Туринского, Тюменского, Тобольского, Тарского, Недзинского, Березовского, Нарымского, Сургутского, Кетского и Мангистайского за период от начала

¹⁾ Обозрение, 2-е изд., I, предисловие, XVII.

²⁾ Там же, I, 83—84. На своеобразие научных приемов Словцова мало обращали внимание позднейшие исследователи, охотно пользовавшиеся его статистическими выкладками.

³⁾ Там же, I, предисловие, XXI.

⁴⁾ Там же, I, 169.

⁵⁾ Обозрение, 2-е изд., I, 69.

⁶⁾ Там же, II, 291.

⁷⁾ Сибирский Сборник, 1886 г., кн. III.

завоевания этого края до конца царствования Михаила Федоровича». Мысль в основе была верная, но понятно, что одному исследователю была не под силу грандиозная задача детального изучения за такой обширный период времени громадного материала, сохранившегося по этим уездам. Поэтому автор не успел произвести более или менее глубокого исследования, не исчерпая имеющихся в его распоряжении архивных данных; он скользнул по документам, ознакомился урывками с отдельными из них, ограничился примерными и случайными цитатами — словом, не выполнил намеченной задачи. Вместо исследования об отдельных уездах получились отрывочные сведения о различных сторонах уездной жизни. К этому приходится прибавить, что спешность громоздкой работы не позволяла достаточно тщательно выявить и существование изучаемого материала. Отсюда не всегда достаточно строгое критическое отношение к источникам, небрежность цитат; отсюда нередко ошибки вследствие невнимательного чтения текстов. Наконец, главы, имеющие целью свести воедино нестрый материал, рассеянный по отдельным монографиям, поражают слабостью общего исторического кругозора и элемен-тарностью построений. При всех указанных недостатках книга Буцинского и его статьи представляют крупный шаг вперед в деле изучения Сибирской истории. Помимо того, что он наметил по существу правильный план этого изучения, он освежил бывшее до тех пор в ходу материал, привлек новые и свежие архивные данные, приоткрыл слегка завесу, скрывающую от нас подлинную старую Сибирь. Лучше других его монография, посвященная Мангазею, может быть, потому что этот уголок Сибири сам по себе особенно интересен и богат бытовым материалом. Эта свежесть материала делает исследования Буцинского необходимым пособием при изучении истории Сибири и позволяет забыть пробелы его научной работы и некоторую наивность его научного мышления.

Дальнейшая разработка Сибирской истории в настоящем время облегчается выходом в свет в 1895—1901 годах превосходного «Обозрения столцов и книг Сибирского Приказа», составленного Н. Н. Оглоблиным. Это «Обозрение» фактически открыло для науки громадную коллекцию документов по истории Сибири, хранящуюся в Архиве б. М-ва Юстиции, и должно служить путеводной лигтой в лабиринте делопроизводства Сибирского Приказа для последующих исследователей. Сам Оглоблин, занятый над своим «Обозрением», не мог воспользоваться теми обширными познаниями, которые он приобрел в течение многолетней работы, и лишь, по собственному его выражению, «зимоходом» касался отдельных, большую частью, незначительных вопросов в статьях, разбросанных в научных журналах. Зато он сделал возможным для других серьезное и систематическое изучение истории Сибири.

Появление «Обозрения» Оглоблина, вскрывшее разнообразие и многочисленность архивных материалов по Сибири XVI и XVII вв., поставило снова на очередь вопрос о целях и о методах Сибирской историографии.

«Ближайшие задачи исторического изучения Сибири» были формулированы Головачевым в статьях, появившихся в Журнале М-ва Народного Просвещения в 1902—1905 гг.¹⁾. Эти задачи, по его мнению, следующие. Во-первых, подлежат изучению «сложные и трудные вопросы, вызываемые отдельным прошлым Сибирской окраины»: «исторические судьбы Сибири до русских», говорит он: «представляют еще неразгаданные и неразобранные страницы». Вторым является «вопрос о сибирском летописании», который он не без основания считает далеко не разрешенным. Наконец: «воспроизвести перед потомством эту замечательную по внутреннему содержанию эпоху (XVII век), проследить малозаметные органические процессы народной жизни во всех ее проявлениях в этот период — вот задача историка, трудная, но вместе с тем благодарная, потому что в этом случае окраинная история является ценным выясняющим вкладом в историю общерусскую». Эти, можно сказать, самые важные главы Сибирской истории, говорит он: «представляют в настоящее время зияющий пробел. Здесь нет даже груды беспорядочно разбросанных кирничей — здесь мы находим только первичную материю, из которой сначала должны быть сделаны кирнички, а из них впоследствии можно будет соорудить и самое здание». В таких, немного вычурных, выражениях Головачев указывает на необходимость предварительной монографической разработки отдельных вопросов по истории Сибири. Он тут же и набрасывает примерный перечень таких очередных вопросов. 1) «Вопрос о заселении Сибири, конечно, должен быть краеугольным камнем при изучении жизни этой окраины». Эту основную тему он расчленяет на следующие: а) необходимо разработать имеющиеся в архивах «ценные материалы о земледельческой, народной колонизации»; б) «невольная естественная колонизация Сибири представляет крупный вопрос местной истории, очень плохо разработанный»; в) «колонизационная роль зверопромышленников также достойна внимания исследователей»; д) «роль сибирских монастырей в деле заселения края также ожидает еще своего исследователя»; е) наконец, служившая колонизация намечена лишь в общих чертах, преимущественно с внешней, фактической стороны, в явлениях более крупных, между тем как мелкие, хотя и более типичные, пока остаются в тени». 2) Во-вторых, «в тесной связи с колонизацией Сибири стоит обширный широтеческий вопрос, как следует, не разрешенный и в наше время.

¹⁾ Журн. М-ва Нар. Просв. 1902, № 9 (Ближайшие задачи истории изучения Сибири); 1905 № 10 (Близкий тип сборника материалов для истории сибирских городов XVII века).

Это в полном смысле слова один из больших вопросов не только для Сибири, но и для всей России». 3) Требуют изучения «вопросы финансового управления» и «история торгового и промышленного движения в конце XVII и начале XVIII веков», в частности «торговые союзания старинной Сибири с Бухарией и другими среднеазиатскими ханствами» и, наконец, 4) «подробное изучение документов воеводского управления должно открыть много новых оригинальных черт». «Итак, монографии по указанным выше вопросам на основании, главным образом, архивных материалов— непосредственная задача лиц, занимающихся изучением истории Сибири».

Таковы очередные задачи Сибирской историографии, как они выяснились к началу настоящего столетия. В дальнейшей разработке намеченных вопросов главная роль принадлежит, разумеется, самой Сибири, в частности вновь возникшему Иркутскому Университету. Уже в 1886 г. Семевский писал, что «для развития сибиреведения вообще и Сибирской историографии в частности, самым лучшим толчком иссоминно будет с таким нетерпением ожидаемое открытие Сибирского университета», и выражал уверенность, что «университет на далекой русской окраине даст много новых работников для столь настоятельно необходимого изучения того своеобразного мира, который посчит название Сибири¹⁾». Первым опытом молодого Иркутского университета в этом направлении является «Очерк Истории Сибири до начала XIX в.» проф. Огородникова, I часть которого, посвященная «до-русской Сибири», вышла в 1920 году²⁾. Не задаваясь целью самостоятельного исследования, эта книга представляет из себя попытку собрать и систематизировать результаты предшествующей работы и представить ход сибирской истории в свете последних научных изысканий. Подводя итоги всей научной разработке Сибирской истории, она является заключительным звеном в той работе по изучению прошлого Сибири, начало которой положено трудами Миллера и Словцова.

ОЧЕРК ВТОРОЙ.

ПУТИ В СИБИРЬ В XVI—XVII вв.

¹⁾ Сиб. Сборн. 1886, III.

²⁾ II часть должна быть посвящена «запованию и заселению русскими Сибири, положению в ней русского и инородческого населения, областному управлению и изображению быта и правописи сибирского общества в XVI—XVIII вв.». Одна глава этой II ч. издана в виде отдельной статьи под заглавием: «Русская государственная власть и сибирские инородцы в XVI—XVIII вв.». Дополнением к ней является другая статья, напечатанная в 1922 г., «На истории инородческих поселений в Сибири». Наконец, в том же 1922 г. вышла брошюра Огородникова: «На истории покорения Сибири (Покорение Юкаспирской земли)», находящаяся в связи с общей темой его исследования.

I.

ПУТИ ЗА УРАЛ В XVI—XVII вв.

А. Нечореский и срекаменингутъ. Его направление. Новгородские пути в Югру. Нермская епархия на Выми. Захват Нечорского пути Москвой. Промышленные поселки на Нечоре (Усть-Цильма, Икса, Пустогор). Русское продвижение «срекаменингутъ» путем за Урал. Тюбаки на «срекаменингутъ» пути: Ижемская, Обдорская и Собская, Киртасская. Уезды пересекающие Камень. Статистические данные о движении «через Камень». Закрытие «срекаменингутъ» пути.

Б. Морской путь. Его направление. Условия плавания по Ледовитому океану. Судьбы морского пути в XVII веке.

В. Камские пути. Мозырский путь. Чусовской путь в XVI в. Колонизационная деятельность Строгановых, их роль в деле захвата Чусовского пути. Чусовской путь в XVII в. Верхотурский путь. Данные о движении через Верхотурсскую таможенную заставу. Путь через Кунгур. Образование Екатеринбургского тракта в XVIII в.

Русские в своем движении за Урал или за «Камень», как его называли в XVII в., воспользовались двумя большими водными путями, которые с незапамятных времен связывали Восточно-Европейскую равнину с Северо-Азиатской. Этими путями были реки Печора и Кама с их притоками.

Русским раньше сделала доступной путь по Печоре, известный в XVII в. под именем «срекаменингутъ» или просто путь «через Камень». Важность его заключалась в том, что через посредство Северной Двины и ее притоков Юга и Сухоны, получающих начало из Алгауской возвышенности, он был связан с центром русской равнины, а восточными притоками Печоры подходил к Уральским горам, образующим водораздел между бассейном этой реки и бассейном Оби. «Чрекаменингутъ» шел в XVII в. от Устюга вверх по Вычегде до впадения в нее р. Выми, далее вверх по Выми и по ее притоку Тетере (теперь Шом-Вуква) и по Говшохе. С верховьев Выми переходили «Вымским волоком» на Ухту, приток Ижмы, и спускались по Ижме до впадения ее в Печору. От устья Ижмы путь резко поворачивал на восток и подымался вверх по Печоре.

Близ устья Ижмы проходило соединение с одним очень важным разветвлением «бронкаменного» пути, связывавшим Нечору с Мезенью, с Пинегой и с Двиной. На устья Двины либо ехать морем вдоль берегов до устья Мезени, либо идти в устье Пинеги, подняться вверх по Пинеге до Нижегородского волока, соединившего Пинегу с Кулом; перетащив суда на Кулой, спускались вниз по Кулю до впадения его в море, отбили мыс и входили в р. Мезень. Далее путь лежал вверх по Мезени до р. Невы и рекою Невою до так называемого Невского волока. Невский пятиверстный волок приводил до озера, из которого обычно или рекою Рубихою в Цирку, приток Цильмы, впадающей в Нечору. Существовал, впрочем, и другой путь из озера волоком прямо в Цильму. Цильмою входили в Нечору. Мезенский путь, связывавший северное побережье восточного Неморья с большой дорогой через Каменъ имел очень большое значение в экономической жизни страны. Иногда им пользовались даже при проезде с Нечоря на Устюг, «для того, чтобы ити к Руси людьми, а не пустым местом».

От устьев Цильмы и Ижмы «бронкаменный» путь шел вверх по Нечоре и далее по Усе. Из Усы гнездами в ее приток Собь и из Соби в Елец или Ель. Верховья Ельца близко подходили к верховьям другой Соби, впадающей в Обь.

«Каменный волок», которым производился перевал через Уральские горы, прерывался семью озерами, в промежутках между которыми приходилось волочить лодки и переносить поклажу на руках. «И как-де они будут на Каменъ, речкою Собью», говорится в одном документе 1641 года о березовских служилых людях, ехавших из Сибири: «и... пришли к первому обводному волоку, и учили государеву казну носить через волок на речку на Елец на поизнную воду». Перевалив через Урал, Обскою Собью входили в Обь, за иной дороги, опричь Соби реки, через Каменъ летним путем нет».

От устьев Соби было два пути, либо вверх по Оби на Березов и на Тобольск, либо вниз к Обскому устью и Обскою губою в Мангазею, расположеннную на восточном побережье Тазовской губы, составляющей часть той же Обской губы¹⁾.

¹⁾ Описание «бронкаменного» пути см. Р. И. Б. Н., № 251 (IX) и в «Списке с чертежом Сибирские земли 1672 года», напечатанном Титовым (Сибирь в XVII в., стр. 60—61). В документах Сибирского Приказа он упоминается очень часто, напр., ст. № 81, л. 81, № 90, л. 40—41, № 111, л. 220. В Списке чертежом 1672 года, как он напечатан у Титова, надо исправить ошибку: вместо «Собью-Мусью», надо читать: «Собью и Усю».

Описание «Каменного» волока в Списке 1672 г. и Сиб. Прик. ст. № 103, л. 266, Прик. дела ст. лет 1631, № 55, л. 303. Перевал через Урал описан Я. Амартильюром, посетившим Березовский уезд в 1653 году (Путешествие в северные страны, переп. С. Марковича, изд. Моск. Археол. Института, стр. 69—60, 71—72); впрочем, точно установить место, где он совершил перевал, невозможно.

Мезенский путь описан в дорожнике, которым пользовалась Герберштейн

Кроме пути Усюю и Собью в XVI—XVII вв. еще пользовались для перевала через Урал другим притоком Нечоры, Щугором. Этот путь, в частности, был описан в дорожнике, который послужил источником для Герберштейна. Поднявшись до верховьев Щугора и переслав через горы, спускались в р. Сычу, из Сычи гнездами в Киргас и на Киргас и Сосьву, впадающую в Обь. Судя по карте Ремезова, у верховьев третьего большого притока Нечоры, Ильи, также был переход из Сибири²⁾.

Общее протяжение «бронкаменного» пути от Соди Вычегодской до Березова насчитывало в 1656 г. ямщиками в 3000 верст³⁾. На прохождение его, по расчету, имеющемуся в «Списке с чертежом Сибирские земли 1672 года», требовалось 13 недель 4 дня, и расчет этот более или менее верен, так как, по другим источникам, от Обдорска до устья Ижмы было 5—6 недель пути и даже больше⁴⁾.

Описанной дорогой в Сибирь можно было пользоваться только летом, «водным путем», так как зимою перевал через Каменъ сопряжен был с очень большими трудностями, — «снеги и ветры бывают великие»⁵⁾. Только в виде исключения перебирались через горы зимою на оленях или на собаках⁶⁾.

Нечорский путь, судя по случайным археологическим находкам⁶⁾, очень древний и был уже известен финским туземцам, от которых его узнали и русские. Для последних, долгое время отрезанных волжскими болгарами, а после них казанскими татарами от другой дороги через Урал — Камью, он был наиболее старшим путем для сношений с Зауральем, свидетельством

перев. Малеина, стр. 127—129). См. также Сиб. прик. ст. № 62, л. 285, ст. № 111, л. 208, Прик. дела ст. лет 1670, № 71, л. 467. У Герберштейна упоминается река Piescoua, впадающая в Неву; может быть, это невиданное Герберштейном название волока (Невский). Описание Невского волока и пути от Мезени до устья Цильмы см. у Сентенк «Reise nach dem Nord-Osten des Europäischen Russlands zum arktischen Ural-Gebirge» 1848—1849 г. I, та. 5 (про волок: стр. 168—169 и 173—176). У него же в приложениях — английские описания Невского пути 1611—1612 гг. (т. II, стр. 173 и 181).

²⁾ Герберштейн, в перев. Малеина, 129—130. Буцинский в. Заселение Сибири, 71—78. Ср. Сиб. прик. ст. № 78, л. 104. Дорогой по Сосьве воспользовался, вероятно, кн. Курбского в 1499 г., так как он, переслав Урал, оставил свой городок Линии, расположенный на Сыче.

³⁾ Прик. дела ст. лет 1636, № 4.

⁴⁾ Титов, Сибирь в XVII в., стр. 60—61.

⁵⁾ Сиб. Прик. ст. № 103, л. 269, ср. ст. № 62, л. 285: «А из сибирских городов зимою путем, государь, в Ижемскую слободку дороги нет, ходят водным путем».

⁶⁾ Р. И. Б. Н., № 77. Ср. рассказ Растрейской книги о походе кн. Курбского у Мийара (Описание Сиб. царства, стр. 63) и рассказ Ламартинера (loc. cit.). О переходе через Каменъ зимою Березов город на лыжах, смотр., см. Сиб. прик. ст. № 772.

⁷⁾ Макеевин, Год на севере, изд. 4, стр. 506. Сидоров, Север России, стр. 613.

чому служит сохранившееся исключительно за ним вицем до XVIII века название *путь из Югры*, т.-е. в область нижней Оби, заселенной башками¹⁾. Направление новгородского пути восстанавливается довольно точно по летописям: он шел Сухоною, мимо Устюга, как видно из того, что в 1323 г. новгородцы, «что ходил на Югру», были отграблены устюжанами, а в 1329 устюжские князья *поплыли* новгородцам, которые были *поплыли* на Угру. Именно в целях очистить дорогу на посток, ходили новгородцы в 1324 г. походом на Устюг и, взяв город на штурм, принудили устюжских князей к заключению мирного договора²⁾. Далее он сворачивал на Нечору, судя по тому, что в 1187 году югорские даньщики были перебиты на Нечоре³⁾. Это подтверждается манифиром отрока Гириты Рогонича, который был послан в Нечору, «и оттуду иде в Югру». Наконец, из рассказа о походе 1364 года видно, что новгородцы, переслав через Урал, въехали в Обь одним из левых ее притоков, вероятно, Сосьвою, и, разделившись на две партии, одна *всевана по Оби реке до моря*, а другая *половина рати наверх Оби всевана*⁴⁾. Таким образом, направление новгородского пути в общих чертах совпадает с направлением позднейшего «чрезкаменного» пути.

Слухи о склонах пущенных богатствах «полунощных стран», где, по рассказам очевидцев, из туч на землю иадают молодые «иницицы» и «оленцы малы», рано стали привлекать за Камень предпринимчивых новгородских промышленников, которых не путал *путь до гор тех непроходим пронастями, снегом и лесом*. Уже современник ладожского посадника Павла, писавший, следовательно, в первой четверти XII века, говорит, что «ходина люди старии за Югру и за Самоеды»⁵⁾. Но следам промышленников и Новгородское государство спаряжало военные экспедиции для сбора дани с туземцев, порою проникающие довольно глубоко в Югорскую землю, как это случилось, например, в 1364 г. В летописях сохранились не лишенные яркости известования об этих походах и об упорном сопротивлении, которое оказывали новгородцам югорские князья за стены своих городков. Не могло быть и речи о правильном завоевании страны: походы

¹⁾ «Егра — зырянское прорище баштов. Первоначально башти обитали и по западным склонам Урала, как видно из рассказа Гириты Рогонича (Лад. летопись, изд. Археогр. Ком., стр. 226—227). Позднее под Юграй подразумеваются, несомненно, баштав земли к востоку от Урала на вицем течении Оби. Историографию вопроса об Югре см. у Дмитриева, «Пермская страна», V, глава I, и у Замысловского. Герберштейн и его историко-географические известия о России (Зап. Ист. Фил. Ф-това СИБ У-тета, XVIII), стр. 132, 139.

²⁾ Новгор. летопись, изд. Археогр. Ком., стр. 320—327.

³⁾ Там же, стр. 161.

⁴⁾ И. С. Л., IV, стр. 64—65; V, стр. 230.

⁵⁾ И. С. Л., II, изд. 2, стр. 277.

носили характер более или менее случайных набегов, производившихся под начальством «воевод новгородских» шайками добровольцев, «путниками», как их называет летопись, выбиравшими из детей боярских и удалых людей. Эти набеги имели целью принудить Югру к уплате дани Великому Новгороду, нарушая, повидимому, торговые интересы частных предпринимателей, дороживших Юграй, как рынком пущных товаров, и имевших здесь прочные связи среди туземцев. Конкуренция между государством и частными предпринимателями временами принимала очень острый характер, и этим объясняется, например, что посланная в 1193 г. под предводительством воеводы Андрея новгородская рать была потреблена, благодаря проникам некоторых новгородцев, «совет деркающих с Югрою на братью свою»⁶⁾.

В результате походов новгородцев за Урал, «Югра» была помимолю присоединена к новгородским волостям, в числе которых она фигурирует в грамотах XIII века. Впрочем, прочного завоевания не имело места, и зависимость «югорских князей» от государства Великого Новгорода ограничивалась очень перегуляризованной уплатой дани соболивыми мехами и другими местными произведениями.

Торговые пути новгородцев на северо-восток рано стали привлекать внимание русских князей, владевших средним Поволжьем. Уже в XII в. сузальские князья делали попытки перехватывать «данников новгородских»⁷⁾. Входивший в состав Сузальской земли Устюг, как клин, превращался в новгородские владения и менял беспрепятственно выходу новгородцев из Сухоны в Вычегду. С присоединением Устюга к великому княжеству Московскому, начинается в XIV веке планомерное наступление Москвы на Двину и на Нечору. Чтобы парализовать это движение, новгородцы в конце XIV в. и в первой четверти XV совершают ряд походов на Устюг (1393, 1398, 1417 и 1425 г.), сопровождающихся жестоким грабежом города⁸⁾. В своем стремлении стать твердой ногой на Нечорском пути, великий князь Дмитрий Иванович оказывает властную поддержкушедшей из Устюга проповеди христианства среди вычегодских зырян. Стефан пермский, выступивший на миссионерское поприще с благословения церковных властей Москвы, является не только «апостолом зырян», но и проводником московского влияния среди инородческого населения бассейна Вычегды, а основанная им на Выми Пермская епархия приобретает большое политическое значение, как исходный пункт для распространения московской власти на Нечору. Недаром в «Плаче» по поводу смерти

⁶⁾ Новгор. лет., стр. 166—169, 426.

⁷⁾ Там же, стр. 139.

⁸⁾ Там же, стр. 379, 386, 404, 413.

этого святого отмечается его столкновения с «новгородцами, разбойниками-уникуйниками»^{1).}

Расположение на границах между русским миром и зиринским, на путях с Вычегды на Печору, Пермская епархия в течение всего XV в. несет своеобразный характер полу-святской и полу-духовной пограничной марки, владетель которой, владыка пермский, выступает с чертами могущественного церковного магната, духовного вассала великого князя Московского. Ему принадлежали обширные земли «на Выми и на Вычегде и на всей Вычегодской земле», деревни, пустоши и всякие угодья; еще к началу XVI в. уцелели на Вычегде, вверх и вниз от устья Выми, значительные владения пермских владык, которым принадлежали здесь более или менее крупные участки «в реках, озерах и курьях», и тянулись «леса владачин». Центром этих владений был в XV в. укрепленный «владачин» город Усть-Вымской, основанный Стефаном пермским на месте разрушенного им языческого мольбища. В 1608 году еще виделись развалины этого города, — «вологодского и великонермского епископа городище», со следами бывшего величия: на городище еще стояли церкви в честь основателя и патрона епархии св. Стефана и часовня, служившая усыпальницей пермских святителей, где в гробницах, покрытых синей красненской, а поверх «адаманкой лазоревой», поконились тела епископов Герасима, Иакима и Иоанна; сохранились и следы существовавшего в XV в. «двора владачия большого» и «места владачных крестиль», а имен им не помнят^{2).}

Исклучительное положение пермского владыки объясняется теми сложными отношениями, в какие он попадал к туземцам, обитавшим на путях за Урал. Он является, во-первых, единственным защитником христианского населения Выми от настека «иноязычников» — вогулей и остяков^{3).} Туземные князья, вроде вымских князей Петра и Федора при преосв. Филофееве, находятся как бы под патронатом владыки^{4).} При том же Филофееве влияние пермского владыки распространяется за Урал на югорские и вогульские имена, обитавшие по нижнему и среднему течению Оби: на вымских вогулей и на «ю землю Кодскую и Югорскую». При его участии в 1485 г. кодские князья заключили мир с вымскими князьями под владачным городом Усть-Вымским, «на том, что им лиха не смыслити, ни

¹⁾ Житие св. Стефана Пермского, изд. Археогр. Ком., стр. 87.

²⁾ Акты пром. прац. и. Вас. Шувского, собр. Грибоедова и м., стр. 292—297, Карагаин, Ист. Гос. Род., VI, прим. 461. Жалоба грам. Филофею пермскому 1491 г. в Трудах Вятской Ул. Арх. Ком., 1908, II (Акты по делу о присоединении к Вятской епархии Усть-Вымской десятины).

³⁾ См. в Житии св. Стефана, стр. 87, 93.

⁴⁾ О вымских князьях см. Труды Пермской Арх. Ул. Ком., том. I (Голубев, Князья великонермские, пермские и вымские).

силы не чинит над пермскими людьми, а великому князю прийти во всем». Он служит посредником между этими Зауральскими князьями и великим князем Московским: с ним ссылаются в 1484 г. ильинский князь Юрий, чтоб получить «наас» для приезда в Москву; это «печалование» было удовлетворено ходатайством кодских и югорских князей об освобождении их иленных сородичей^{5).} Таким образом, из владачин Усть-Вымского города подготовляется широкое завоевание Зауралья.

Одновременно Вымь становится исходным пунктом военных экспедиций, спарожаемых московским правительство за Урал, при чем делаются попытки использовать для подчинения Зауральских инородцев — туземных князьков, находившихся в вассальной зависимости от Москвы, подобно тому как позднее использованы были остатки князьков на Оби, особенно кодских. Так, в походе 1465 г. на Югорскую землю участвовал вымский князь Василий с вымичами^{6).}

Спадением Печорской путь оказался в руках Москвы, которая и торопится воспользоваться им, чтобы утвердить за собою старинные новгородские владения за Уралом. В 1499 г. был организован грандиозный поход «в Югорскую землю, на Куду⁷⁾ и на тогуличи» под начальством князя Семена Курбского и Петра Ушатого и Вас. Гаврилова. Экспедиционный корпус, состоявший из более 4000 человек, делился двумя путями: часть под начальством кн. Ушатого, состоявшая из донцов, индейцев и вождей, пошла Мезенским путем через Иниженский полок, а кн. Курбский с устюжанами и вымичами направился, повидимому, Вымским полоком. Местом соединения была Печора, где воеводы «составили» и, выступив поздней осенью, пересекли «щелью» через Уральские горы и вступили в Югору. Рать дошла до остыцкого городка Линниа, сделав, по расчету разрядной книги, 4650 верст; по сибирским тундрям ехали на собаках, а воеводы на олених^{8).} Однако, Печорский путь был слишком отдален от Москвы, чтоб им можно было совершить пророческое завоевание Зауралья. Дело ограничивалось тем, что временами

⁵⁾ Карагаин, VI, пром. 461.

⁶⁾ Архангелогор. лет. иад. 1781 г., стр. 141.

⁷⁾ Куда — остаток княжества на Оби, в пределах Бердского уезда.

⁸⁾ Миллер, Древнейшая разрядная книга, стр. 26. Миллер. Описание Сибирского царства, стр. 63-64 (сделана на разрядную книгу 7009 г., у Миллера опечатка 7109). И. С. Р. Л. IV, стр. 271, VI, стр. 43-44, VIII, стр. 237, XII, стр. 249. Герберштейн, в перев. Малеина, стр. 125, 133. О пути, таким же был Курбский путь. Замысловатый, извилистый, соединение, стр. 434—436. Поход имел место зимой 1499—1500 (выступление в конце лета 7007 года, возвращение весной 7008 года). В разрядной книге, которую цитирует Миллер, он датирован 7109 годом (ям. 7009), что делу подходит Миллеру высказать предположение, выраженное в оговоркой, будто было совершено два похода в 7007 и в 7009 г.г. Сравнение с наданной Миллером разрядной книгой не оправдывает, однако, сомнения в том, что мы имеем дело с одним и тем же походом.

отдельные югорские князья обязывались платить дань в великокняжескую казну. В XVI веке, с завоеванием Казани и освоением Камских путей, московское правительство совершило отказ от охоты от мысли использовать Печорский путь с завоевательными целями. Но и в дальнейшем Печорский «чешкаемый» путь служил обычной дорогой, по которой в течение XVI и XVII столетий шло очень большое движение за Урал.

«Чешкаемый» путь является в изучаемую эпоху по преимуществу путем торговых и промышленных людей, которые идут по старым проторенным дорогам на Камень и поискам драгоценной пушинны. Особенно крупное значение он приобретает в экономической жизни Поморья с половины XVI века, когда открытие торговых союзов с англичанами через Белое море, поиски сироп на сибирские меха, усилило промышленное движение на восток. Устюг, благодаря своему положению на перепутье, связывавшем Печору с русскими рынками среднего Поволжья и единственным русским портом для внешней торговли — Архангельском, делается средоточием торговли сибирской пушиной. Далее на северо-восток, на всем протяжении Печорского пути вырастает ряд промышленных слободок и становищ.

Печорские промыслы: «рыбные ловицы», «скречаты и соколы гедища» привлекали издавна на пустынные берега большой северной реки кеврольцев, чакольцев и мезенцев, которые «ловили рыбные ловли наездом». «На Печору», говорится в царской грамоте 1603 г.: «приезжают иноземцы и мезенцы, и вожаки, и вымчи, и пустоозерцы и промышляют в местных угодьях¹⁾. Уже в XV в. здесь образуются промышленные поселки — села и слободы. Так возникла Ижемская слободка недалеко от впадения р. Ижмы в Цильму; здесь у устья Ижмы еще в XV в. была тоня: «кол — раба ловити» и исккие промышленные угодья, «пушки»: «перевесница» для ловли птиц, «бобровые гоны», «погиющие лесы», и образовалось несколько небольших поселков, состоявших из отдельных дворов с наименами и ножками²⁾. У впадения р. Цильмы в Печору основалась другая слободка Усть-Цильмская, устроенная по жалованной грамоте царя Ивана Грозного по городцем Иваником Ласткою на месте, где стоял «лес черный», «от людей далече, перег за 500 и больше»; слободчик, пользуясь дарованными ему правами, стал привлекать желающих поселиться в свою слободку, и уже в 1564 году в Усть-Цильме на лицо было 14 дворов, и в них людей 19 человек, а в 1575 г. — 16 дворов и 23 человека; это было в значительной мере частное предпринятие, и слободчики, в качестве предпринимателей, про-

¹⁾ Акты времени правления ц. Вас. Шуйского, №№ 44 и 45.

²⁾ Рус. Ист. Бюл., XXXII, № 16 (Акты Юрод. № 71, X), № 17 (Акты Юрод. № 71, XI).

должали пользоваться «третью долею во всех угодьях¹⁾. Менее ясно происхождение третьего центра русской колонизации на Печоре, — Пустозерского острога; повидимому, он возник в конце XV века, когда воевода Ивана III на Печоре «град зарубили» на месте другого стоявшего здесь «града», т.е. вероятно, промышленного становища. В течение всего XVII века он продолжал служить для охотнику московского государства торговых людей, которые ходят из Московского государства в Сибирь торговать.²⁾.

Промышленные поселки на Печоре назывались известным самоуправлением. В Усть-Цильме при царе Борисе мы находим старост и целовальников; позднее Усть-Цильма была объединена с Накмой под управлением общего изборного землемера, который является официальным представителем всех «слободчиков» и спомешанных с Москвою и с местной администрацией и на котором лежит ответственность за порядок в избраных ему слободках и за правильное исполнение тягла³⁾. Права Усть-Цильмской слободки были многократно подтверждены жалованиями грамотами — царя Ивана, царя Бориса в 1598 г., царя Василия 29 февраля и 2 марта 1610 г., и, наконец, царя Михаила от 19 декабря 1616 г.⁴⁾. В Пустозерске во главе посада стоял изборный сотский, обязанности которого мало отличались от обязанностей землемера⁵⁾.

Заброшенные на дальний и голодный север, отрезанные от остального русского мира, эти слободки влекли жалкое существование. Союзия с русскими городами были возможны только летом, потому что зимнего пути в слободки нет. Неблагоприятные географические условия не позволяли развить земледелие: в Цильме «в иной год пашут, а в иной не пашут, потому что морозом побишают», не говоря про Пустозеро, где «место тундриное, студеное и безлесное, и зимнюю порою тундра с водою замерзает», где даже нокосы иной год заносит искром. Питались в слободках исключительно привозным хлебом, доставляемым «с Руси» на малых каюках однажды в год весною — с Вычегда-реки, на Яренска и из Перми, а за недостатком такого великими суррогатами: «берингом», корюкой и листьями. В 1670 г. усть-цильмцы и ижемцы искали в чадебитной царю, что

¹⁾ Максимов, Год на Севере, 4 изд., стр. 430—432. Английские описание Усть-Цильмы начала XVII в. у Sebebank, изв. соч., II.

²⁾ Миллер. Описание Соб. царства, стр. 63. Д. А. И. III, № 19; IV, № 137.

³⁾ Соб. прик. ст. № 1683, л. 300; ст. 470, ст. № 344, л. л. 129 и 89 (здесь землемер назван «земским целовальником»). Прик. дела ст. лет. 1670 г., № 467 (назван «сотским»). Подложение землемера хорошо выражено в ст. № 470 Соб. приказа. Ср. Веселовский, Нам. первых лет русского старообрядчества, II (и Лет. Зап. Арх. Кн., XXVI).

⁴⁾ Акты царя ц. Вас. Шуйского, № 44 и № 45.

⁵⁾ Веселовский, Нам. первых лет рус. старообрядчества, II, стр. 11.

у них человек с то померло голодно смертью, что один трапу, да рыбиновый лист, да сосновую кору, и от того мы, спротив, опухли и оциклили и голодом примерли, а что остальные крестьянинка, и те последние нужные голодны и ноги и босы. В Пустозере еще хуже: тут «люди небольшие, хлеба не имеют, сами дробины, да гущу квасную в честь ядят», «питаются в мясоед итицами, а в посты из Нечоры рыбой». Жители в Пустозерском, писал из ссылки А. С. Матвеев: «гладом тают, и пустозерских жителей всегдашия пища борщ, да и того в Пустозерском нет, а привозят с Нажмы, и такая нужда по ей стране повсюду, на Турье, Усть-Цильме и в Пустозерском остроге»^{1).}

При таких условиях слободки росли чрезвычайно медленно. В 1638 году в Нажме было всего 21 тяглый двор, 16 пичих дворов и 10 пустых, в Цильме — 15 тяглых, 11 пичих и 10 пустых, в Пустозере — 44 посадских и 10 вдовьих; в 1646—1647 г.г., в Цильме 37 дворов, в Пустозерске же число уменьшилось — 36 дворов посадских и 3 вдовьих^{2).}

Единственным средством существования этих иных поселков служили промыслы. «А кормитесь-де вы зверем, да птицею, да рыбой, да травою», писал царь Борис усть-цилемцам^{3).} Летом слободки пустели: жители «живут для хлебные дорожицы на рыбных ловлях, по лесам озерам и по речкам», кормясь «на речках и на озерах рыбой, и птицею, и борщом и рыбиновым листом»^{4).}

Отсутствие средств к существованию развило в населении промышленную предпринимчивость и торговую жилку. Пустозеро сделалось центром, откуда не только местные жители, но и приезжие промышленники предпринимают дальние экспедиции на промыслы. Отсюда уже в средине XVI в. едят на море промышлять рыбьего зуба, который затем перевозился на олених в Лампожию, на Менси и оттуда в Холмогоры^{5).} Весной и летом пустозерцы отправляются на охоту на лебедей, гусей, уток и куроваток, и, помимо мяса, которым они питаются большую часть года, перо является одним из значительных

¹⁾ Прок. дела ст. лет. 1670, № 467, Сенгилек, II, стр. 178. Ильина А. С. Матвеевск и. ю. А. Догорукому (о Истории о первом заточении боярина А. С. Матвеева, с. И. Б., 1773), Восемьской, Помории первых лет старообрядчества, II, стр. 7, 16, 18. Р. И. Б. XXVIII, 223. Смирнов, Города Моск. государства I, том. 2, прил. на стр. 72—73. Яковлев, Проказ сбора ратных людей, 438.

²⁾ Яковлев, Проказ сбора ратных людей, стр. 372, 437. Когословский, Земское самоуправление на русском севере в XVII в., I, прил., стр. 68. Смирнов, Города в Моск. государстве, т. I, том. 2, стр. 73, 84.

³⁾ Акты правления царя В. Шуйского, № 44.

⁴⁾ Яковлев, насн. соч., стр. 438.

⁵⁾ А. И. Г. № 154. Наследств. I, стр. 264 (под. Evguman's Library edited by E. Rhys). Сенгилек, II, стр. 183.

предметов торговли^{1).} Но главным занятием слободчан являются рыбные ловли; ежегодно в июне пустозерцы, усть-цилемцы и ижемцы ходят на устье Нечоры и в Большевскую губу для рыбных и белужих промыслов^{2).} Продукты морских промыслов (белужье сало, моржевые лахтаки) и рыбных ловель (семга, сири, омуль, лохи, нельма, язь, сухие щуки, икра), а также олений кожан в каюках доставлялись с Нечоры на Устюг и в Соль Вычегодскую^{3).} Зимою рыбу на оленях «аргинами» в несколько десятков единиц отправляли также для продажи в Менси^{4).} Пустозерцы и усть-цилемцы не ограничивались промыслами в окрестных угодьях: в неукраинских баркасах они в конце XVI и в начале XVII вв. пускались морем в Обскую губу и далее в р. Таг и в Мангазею^{5).}

Жители пустозерских слободок вели оживленные сношения с самоедами, не только кочевавшими в Большевемельской тундре, но и с сибирской «каменской» самойдью. От соседства с этими дикарями они часто и много страдали. В прошлом в 177-м году и в нынешнем 178-м, жаловались, например, в 1670 г. усть-цилемцы и ижемцы: тундряная ясачная самойдь заворовалась, всех оленей у нас... отгнала, а зверного и рыбного промыслу не было, да и ходить мы... ни на какие промыслы не смееем, бояся тундряной воронской самойди разгрому и грабежу и смертного убийства, что они самойди по летним и зимним жирам (поселкам) скот, коровы и кони, прибили и по промыслом грабят и смертным убийством обижают^{6).} Это не мешало пустозерцам, ижемцам и усть-цилемцам установить деловые отношения с воинственными инородцами, среди которых у них были свои «знакомые» и другие. Не только пустозерская самойдь, приезжая, торгует в Пустозере и на усть-Цильме и на Нажме и на Менси, но даже карачайская самойдь большими партиями приковыливает к Пустозерку из-за Урала и привозит полученные от мангазейских самоедов меха^{7).} Приобретаемые от них пушину и оленины жители слободок еще в XVI в. отвозили в Лампожию^{8).} Из года в год сами пустозерцы ездили с Нечоры на р. Усу под Баменъ, где у них образовался торговый пункт — Роговый городок; сюда они «саживали» самойдь из-за Урала, с Казима, с Обдора и с Куювати и вели с ними оживленный廟овой торг. Но довольствуясь этим, они нанимали блесней

¹⁾ Сенгилек, II, стр. 167, 168, 173, 175-176, 182, 197.

²⁾ Прок. дела ст. лет. 1670, № 467, Сенгилек, II, стр. 168-169, 176-177, 182, 183, 187, 196-197 (описание белужного промысла в 1611 году).

³⁾ См. тамож. книги (например, А. М. И. Д. Устав 1631 г., л. а. 146, 152, 153 об., 164, 165 об., 176, 187 и др.).

⁴⁾ Сенгилек, II, 184.

⁵⁾ Р. И. Б., II, № 254, Сенгилек, II, стр. 173, 187, 196, 199.

⁶⁾ Прок. дела ст. лет. 1670, № 467, С. 6. Прок. ст. № 134, л. 352.

⁷⁾ Соб. прил., ст. № 103, л. 269, Сенгилек, II, стр. 177, 185, 199.

⁸⁾ Наследств. I, под. Evguman's Library, I, стр. 297-298.

у пустозерской каменой самоиды, у своих знакомцев и друзей, перевозили товары за Камень и партиями в несколько десятков человек ходили по тундрам к березовской самоиды. Уже в начале XVII в., пустозерцы держали окрестных инородцев в кабале, ссуждали их товарами и ходили к ним для своих старых долгов. «В прежних, государь, го́дах», писал в 1641 г. устюжанин Миника Кондаков: «в стары родители мои, дед и отец и дядя, жители Пустозерского городка, и торги, государь, у них и промыслы были с той карачаевской и закаменской самоидью бодыши, и тех родов, государь, многие люди им были должны; в Пустозере и на Собори за них плачивали твои государевы ясаки и давали им в долги русские товары». Тогда же начался постепенный захват тундры новопришельцами и развитие их оленеводства в ущерб самоедскому¹⁾.

Торгами с пустозерской и закаменской самоидью не ограничивалась деятельность Нечорского населения за Уралом. Очень рано, уже в XVI в., вымирали и пустозерцы стали приходить во все сибирские города... со всякими товарами и торговали во всей Сибирской земле и по волостям, и по юргам, и по лесам с татарами и с остяками, и с вагуличи, и с самоидью²⁾.

Таким образом, слободки сделались маленькими торговыми центрами, куда для скучки пущинны, съезжались русские торговые люди разных городов³⁾. Значение Нечорских слободок в деле торгового посредничества между русскими и приуральскими инородцами уже в конце XVI века было оценено иностранцами, а агенты английской компании пробовали в 1611—1613 годах обосноваться в Пустозерске и захватить в свои руки весь торговый район от Цильмы до Урала⁴⁾. Позднее участники норвежской экспедиции 1653 года в Пустозерске делали закупки пущинны⁵⁾.

Положение на пути в Сибирь, тяжелые условия существования, наконец, промышленные интересы, способствовали продвижению населения с Печоры далее на восток. Вымирающие и пустозерцы беспрестанно упоминаются в царских грамотах в Сибири в конце XVI и в начале XVII вв.⁶⁾; задолго до появле-

¹⁾ Собр. прик. ст. № 88, л. 369, ст. № 111, л. 358, ст. № 470. Р. И. Б. II, № 77. Д. А. И. В. № 35. О походах пустозерцев в Югру в 1611-12 гг. см. англосканское сообщение у Schenk, II, стр. 184, 186, 190. Об оленеводстве там же, стр. 177 и Собр. прик., ст. № 134, л. 352.

²⁾ Собр. прик. кн. № 1, л. 103 (грам. царя Бориса, который ссылается на факт, имеющий место при его отце).

³⁾ Собр. прик., ст. № 103, л. 269. Schenk, II, стр. 173, 175, 179, 182, 195, 207 и др.

⁴⁾ Гамель, Англияне в России в XVI и XVII вв., стр. 190—196. Schenk, II, стр. 162—212, где приведены и переводы на немецкий язык английские сообщения у Purchas дневники и имена английских.

⁵⁾ Путешествие Ламартина Бера, стр. 66.

⁶⁾ Собр. прик., кн. № 1 лл. 60, 61, 103, 160, 195.

ния псковских воевод и служилых людей заселило и племя проники в Мангазею¹⁾. Тесную связь Вятки с Зауральем хорошо иллюстрирует именная книга 1608 г.: из 361 жителя вятских волостей в ней отмечено убитыми в Югре, т.е. в вилювских Оби, 29 чел., в Мангазее 2 чел., на Березове 1 чел., и в Тобольске 2 чел., сожжеными в Югру 3 чел., и на Березов 1 чел., сбежавшим в Сибирь 1 чел. и взятыми на Березов и казаки—3 чел. Всего, таким образом, отмечено 46 случаев беспечного ухода за Урал (приблизительно 11% всего населения)²⁾. В 1623 г. мангазейские воеводы писали, что в Мангазею «приезжают, бегающ с Мезени, Пустозера и с Вятки» всякие люди от государевых податей, а иные от воровства и от своей братии, от великих долгов и, приезжая в Мангазейский город, живут в Мангазейском усаде». Этим продвижением на восток в значительной степени объясняется неоднократно отмечаемое запустение расположенных на Печорском пути поселений. В 1638 г., например, в Ижемской и Усть-Цилемской слободках из 63 населенных дворов насчитывалось 24 пустых (около 28%), потому что «скинские люди разбрелись кормиться в русские и сибирские города»³⁾. В 1670 г. из обеих слободок, по словам оставшихся их жителей, «семей с 20 съехали в Сибирские города от великих хлебных скудости»; пустозерский воевода, с своей стороны, писал в 1671 г. в Москву, что в предшествующем году из Пустозерского острога, из Ижемской и Усть-Цилемской слободок тяглы крестьяне 22 человека с женами и с детьми, со всеми семьями, сбежали в русские и сибирские города⁴⁾.

Продвигаясь дальше на восток, за Урал, русские промышленники основывали на путях, по которым они шли, новые промысловые становища. Об одном таком укрепленном становище между устьями Иштугура и Подчурена, служившем складочным местом для товаров, говорилось в «Подорожнике», которым пользовался Герберштейн⁵⁾. Другим становищем был вышеупомянутый Роговый городок (остяцкий Сускар) в верховых Усы, под Камнем, где, по словам царской грамоты 1607 года, пустозерцы по пути через Урал «осеняют» и ведут торг с зауральской самоидью⁶⁾. На самом перекрестье на карте Ремезова обозначено «городище», очевидно, остатки какого-то зимовья. Возможно, что такого же происхождения Полосный городок,

¹⁾ Р. И. Б., II, № 188.

²⁾ Акты земл. правл. ц. Вят. Шуйского, стр. 267—284.

³⁾ В Мангазейской копии написано с именем, одна из многих ошибок, характерных для такого рода синтаксиса (Иоганн Манзера, II, 477, № 5).

⁴⁾ Яковлев, изв., соч., 437-438.

⁵⁾ А. М. И. Д. Прик. дела ст. земл., 1670, № 467.

⁶⁾ Нерен. Мадания, 129.

⁷⁾ Р. И. Б., II, № 77. Кн. Б. Чернеку, стр. 206. Несколько это избыточное место в 1614-1615 гг. (Schenk, II, 207).

На месте, где впоследствии построен был Обдорск. Во времена Миллера существовало предание, что и Березов был основан на месте прежнего промышленного зимонья¹⁾. В Мангазее уже в конце XVI века были поставлены русскими промышленниками остроги; из один из таких острогов — «Зырянский городок» попался в 1601 году сургутские служилые люди²⁾.

Так постепенно «чрезкаменный» путь осваивался русскими промышленниками.

Промышленное движение «чрез Камень» обратило на себя внимание московского правительства еще в конце XVI века, и при царях Федоре и Борисе на устье Соби был поставлен острожек для проезжаих торговых людей и десятины «ионшини»³⁾ просуществовавший, впрочем, недолго. В последней четверти XVI и начале XVII в. «чрезкаменным» путем «Печерою рекою» ходили «в судах с великими товарами» «многие люди» из Пустозера, с Иниги, с Мезени и с Ваги⁴⁾. Уже в царствование Федора Ивановича и Бориса Годунова, им иногда пользовались лица из администрации, направлявшиеся в Березов, — воеводы, посланники и гонцы, и «кои для посещения иногда через Камень отпускали из березовскую государеву соболиную казну»⁵⁾. В 1608 г. тем же «водяным путем на Вымь» едет на Русь остицкий князь Игнать Алачев⁶⁾. В 1618 году тобольские воеводы отмечают «большой приезд» торговых людей с товарами с Выми через Камень из Березова, а с Березова, не займая Тобольска и Сургута, в Томск⁷⁾. Путь этот в то время был, все-таки, сравнительно мало известен в Москве и правительству еще официально не был разрешен, и тобольские воеводы просили государя «о том велети своей учинити указ». 29 ноября 1619 г. последовало официальное разрешение отпускать «от Архангельского города и от всех номорских городов в сибирске

¹⁾ Миллер, Описание Сиб. народа, стр. 74-75. В подиудающемся нынешнем здании русских говорят то обстоятельство, что туземные названия были переведены на русский язык (Носовой город, от слова носъ, мыс, остицк. Аю), самодекое Салы — соответствует остицкому Нуаниг-Ают-Вам, самодекому Сали-Гарден; Березов, от остицкого слова Сутмут, береза — Сутмут-даю), между тем, как испортины и более поздние времена горожане привыкали к туземные названия без перевода их на русский язык. Даже Носовой городок был переведован в Обдорский.

²⁾ Сиб. прил. кн. № 4, л. 113. Р. И. В., II, № 188.

³⁾ Р. И. В., II, № 254 (IX).

⁴⁾ Р. И. В., II, № 77 и № 254. Путь Петорою и Усой на Обь сделали известными еще из пустозерца уже в 1584 г. (Рамзель, Англичане в России в XVI в. XVII, стр. 218).

⁵⁾ Р. И. В., II, № 254. Акт прац. об. Вас. Шульского, № 41 и № 53 (22, подорожная 1606 года).

⁶⁾ Р. И. В., II, № 68. В 1612 г. пустозерцы сообщают об пути Усой на Обь испанцу Логару (Сибирь, II, стр. 187).

⁷⁾ Р. И. В., II, № 254 (VI).

города из Березов город» как обычной дорогой из Тобольска, так и через Камень, 24 апреля 1620 г., это разрешение было подтверждено, и точно указан маршрут из Уса, из Соби, и из Ель до Камени, волоком через Камень в другую Собь реку и Собью до Оби¹⁾. Вопрос вторично рассматривался в 1624 году, когда тобольский воевода, известный своими финансовыми реформами кн. Ю. И. Суленев снова запросил инструкции из Москвы относительно пути «Собью рекою через Камень мимо Ижемскую слободку». И на этот раз вопрос был разрешен в положительном смысле, и дорогу «чрез Камень» торговые и промышленные люди пользовались беспрепятственно в течение всего XVII в.²⁾.

Разрешая путь Петорою, московское правительство, однако, заботилось было оградить свои фискальные интересы и создало на протяжении его ряд таможенных застав, непременно которых оно расчитывало перехватить движение промышленников, возвращавшихся с промыслов. Очень крупное значение имела Ижемская застава, устроенная «для проезду сибирских воевод и дьяков, и письменных голов, и их браты, и детей, и плетениников, и людей, в торговых и промышленных всяких людях, которые поедут в Сибирь и из сибирских городов к Москве и в иные русские города»³⁾. Застава эта играла роль заграждения таможни между Русью и Сибирью.

По ту сторону Урала имелась другая застава для преграждения свободного проезда из Соби в Обь и из Оби в Обскую губу. В этих целях еще в XVI в. несколько выше устья Соби был поставлен, как сказали, небольшой острожек; в царствование Василия Шуйского его, однако, уже не существовало, чем пользовались номорские промышленники для беспрепятственного проезда в Сибирь, минуя Березов и Тобольск⁴⁾. Поэтому при Михаиле Федоровиче здесь была устроена так называемая Собская застава. На противоположном берегу Оби, у впадения в нее реки Полуя, еще, повидимому, в конце XVI в., возник острожек для сбора ясака с обдорских остиков и с кунской и карачаецкой Самоиди. — Носовый городок, названный так по местоположению на мысу, образуемом здесь запорогом Оби, впоследствии известный под именем Обдорского острога. В Носовом производился также сбор десятинной ионшины с проезжающих торговых и промышленных людей; здешняя таможенная застава называлась Обдорской. Обе заставы — Собская и Обдорская были объединены под общим управлением. До 1635 г. сюда

¹⁾ Р. И. В., II, № 254 (VIII—IX).

²⁾ Сиб. прил., кн. № 6, л. 177 об.—181.

³⁾ Прил. десн. ст. лет. 1636, № 1. (Крестоподобный лавр. Ижемского заставного головы). Р. И. В., VIII, № 11 (XXVI). А. И. В., № 4 и № 212. Д. А. И., III, № 19.

⁴⁾ Р. И. В., II, № 77.

для сбора таможенных пошлин приезжались письменные головы, подьячие и целовальники из Тобольска, но в этом году, в виду важности обеих застав, двум таможенным головам, посланным с Руси на Вересов, было предписано летом ездить на Обдору «для проезду всяких людей, и этот порядок сохранялся в последующее время¹⁾. Таможенные головы, приехав на Собское устье и на Обдорскую заставу, посыпали целовальников «на отъездные караулы», «мимо которых места приезжают из сибирских городов и с Руси через Камень Собью рекою и на Мангазеи Обью рекою торговые и промышленные и служилые всякие люди с своими товарами и с мягкою рухлядью²⁾. Деятельность обеих застав продолжалась впрочем «немногое время, всего три месяца, июнь да июль, да август, а больше того не живут, потому что торговым и промышленным и всяким людям мимо Обдоры и Собское устье к Руси ездить нельзя, и после Семеня дни (1 сентября) в осень и во всю зиму и в весну до июня-як месяца на той заставе быть не для чего, потому что место пустое, и в сибирские города тою дорогою зимою никто не ездит³⁾.

В это и эти недолгие легкие месяцы на Обдоре господствовало большое оживление, вследствие одновременного приезда русских купцов и промышленников с Руси через Камень и едущих обратно на Русь тем же путем, а также прибытия морских кочей, идущих из Тобольска в Мангазею и проезда служилых людей с государственной казной, а иногда и воевод, направлявшихся в Мангазею или обратно. Ехавшие через Камень из опасения нападений самодов, здесь дожидались своих братей, торговых людей, из сибирских верховых городов, чтобы ехать большими партиями. Флотилии идущих из Мангазеи кочей перегружались на речные суда для перехода через Камень, приехавшие из-за Камня распродавали свои «худые лодочки» или «метали даром», и покупали «для мангазейского ходу» морские суда. Кормщики, которым «морской ход за обычай», приходили на кочи «наряжаться» за море в Мангазею. К открытию навигации из Тобольска местные торговцы приносили хлеб для продажи промышленникам, едущим в ту же Мангазею. Одновременно обдорские остыки привозили дешевую мягкую рухляедь для мены с проезжими русскими людьми; у них же тобольские жители покупали скир рыбный и рыбу и солили в бочки и в ящики и везли в Тобольск. С своей стороны некоторые русские промышленники приезжали из-за Камня только до Обдоры, продавали здесь свои товары и, «исторгованы», схали обратно на Русь. Для нужд приезжих людей функционировали

казенская башня и казенская же «хлебная изба» для печенья хлеба, и отдававшись на откуп харч, квас и сусло. Все это оживление приходило быстро к концу, все разъезжались кто на Русь, кто в Мангазею, а на Обдорской заставе меньше мало: одни идти через Камень «скорым делом», «для того, чтоб им на Камень не замерзнуть», другие торопились не пропустить благоприятного времени «для того, чтобы посеть через море»⁴⁾.

Кроме таможенных застав на Собском устье и на Обдоре, в 1626 году была иная устроена, по распоряжению тобольских властей, таможенная застава на Киртасе (так называемая Киртасская застава), для регистрации торговых и промышленных людей, идущих в Сибирь с Исети и Щугором и Сыгвой. Первично сюда посыпались сборщики таможенных пошлин из Тобольска, но позднее Киртасская таможня была подчинена берзовским таможенным головам⁵⁾.

«Черекаменский» путь был сопряжен со многими трудностями и даже опасностями. Он шел по обширным безлюдным лесным пространствам (дорога проходяя, пустая людьми, пустое место), нередко «тесными речками», по которым последствие их мелководности лишь с трудом можно было продвигаться в малых судах — «обласах», как их называют устюжские таможенные книги. Суда, в каких ходят через Камень, — обычно либо «лодка черекаменская набойная с парусом (так как «на пособных... ветрах по Оби реке бегают на парусах»), либо однодеревка, судно однодеревое». На таких «худых лодечках» невозможно было везти большую поклажу, и это служило значительным препятствием к пользованию этим путем⁶⁾.

Перевал через Уральские горы был, конечно, самой трудной частью пути. Камень, грандиозная горная цепь, вершины которой в облаках не видeti, а коли ветрено, то облака раздвигают, а длина его от моря и до моря, пугая своей неизвестной дикостью: «место пустое», а жилицких людей на Камене нет⁷⁾. На перевале русским людям грозила постоянная опасность от самодов, подстерегавших добычу на волоку между Собью и Еньцом. В 1640 г. торговые люди, которые полочатся через Камень Собью рекою в сибирские города с русскими товарами и из сибирских городов с мягкою рухлядью к городу к Архангельску, были членом царю Михаилу Федоровичу на берзовскую, ниенскую и пустоарскую самоидь в том, что «садя, государь,

¹⁾ Общую картину дает Обдорская таможня книга 149 г. (Соб. Прок., ст. № 42). См. также Соб. Прок., ст. № 90, л. 40—41, № 62, л. 259, № 102, л. 169, № 251, л. 480, № 178, л. 168, № 269, л. 688, № 81, л. 112, № 78, л. л. 101 и 107.

²⁾ Р. И. Б. VIII, № 11 (XVIII). Наказ берес. тамож. головы 143 г. (Соб. Прок., ст. № 62, л. 236—277).

³⁾ Об общих условиях пути Прок. дела ст. л. 1630, № 71, л. 573 след. О сплавленных судах см. Обдорск. тамож. книгу 149 г., а также Соб. Прок., ст. № 81, л. л. 112, 153, № 259, л. 688.

⁴⁾ Соб. Прок., ст. № 103, л. 259. Миллер, Описание Сибири, стр. 63.

⁵⁾ Соб. Прок., ст. № 62, л. 320—329. Тамож. налог 143 года — таможне, ст. № 62, л. 236—277.

⁶⁾ Соб. Прок., ст. № 153, л. л. 167—168.

⁷⁾ Там же, л. 322.

нас, сирот твоих, через Камень Собью рекою на каменных водоках разбиваю¹⁾). 23 августа 1641 г. на красноярских, кетских и нарымских служилых людей, перевозивших через горы государеву соболиную казну, «наущаись... многие самоядские люди на олених на последнем волоку на Каменъ верх Ельца речки и... (их) учили стрелять из луков». И мы, пишали пострадавшие: «холоны твои государевы, учили биться за твои государевы соболиные казны и билися мы, холоны твои, день до вечера, и не стало у нас, холонов твоих, спицу и пороху... и убили у нас четырех человек, да двух человек промышленных людей, которые были под твою государеву казною в гребцах, а нас, холонов твоих, переранили и твою государеву соболиную казну пограбили, красноярскую соболиную казну, с шунками и с хвостами 18 сороков, да нарымскую твою казну государеву всю пограбили-ж, все соболи и бобры, и наши животинка пограбили-ж... мягкую рухлядь и деньги»²⁾). 2-го сентября того же года и на березовских служилых людей, переносивших березовскую казну через волок, точно также «пришли безвестно самояди и учили по них из луков стрелять и государеву казну громить, и убили де тут у них... березовского липшина Ленку Михайлову да целовальника ерецца торгового человека Сидорка Крюкова до смерти, и их-де всех из луков переранили... а отгрошили де у них на том бою твой государевы казны два выюка бобров, да суму с собольми, да два меха холицевых, да две сумы оленин с белкою». Своей стороны служилые люди убили одного самбода, после чего дикари побежали, и они «отбили» у них большую часть захваченного. «И, как они после того бою соболиную казну спасли к судам, и сидели от той самояди в осаде два дни да ночь, и на них-де наехали на третий день в субботу с государевою же соболиную казною енисейские служилые люди»³⁾.

Несмотря на неудобства и опасности «чрезкаменного» пути, в течение всего XVII в. он оставался «большой сибирской дорогой», по которой из года в год шло значительное движение в Сибирь и обратно. Об размере этого движения дает некоторое представление Обдорская таможенная книга 1640/1 г. С Руси через Камень в этом году пришло 125 человек, из них 34 человека, истоготовившись, пошли обратно к Руси, 80 пошли в Мангазею, 8 в Березов и 3 в Енисейск. Обратно через Камень пошло из Тобольска 48 или 49 человек и из других сибирских городов 213 человек, считая служилых людей и гребцов, ехавших с государевой казною, и без указания откуда — 24 чел. Наконец, Морем из Мангазеи прибыло 319 человек, которые тоже, лишь за исключениями, пошли через Ка-

¹⁾ Сиб. Прок., ст. № 90, л. а. 40—41.

²⁾ Сиб. Прок., ст. № 209, л. а. 44—45.

³⁾ Сиб. Прок., ст. № 103, л. а. 266—269.

мень к Руси. Всего, таким образом, из Сибири к Руси через Камень отправлялось 638 или 639 чел. Всего же зарегистрировано было более 760 случаев проезда чрезкаменным путем¹⁾. В 1638/9 г. в Собском устье и на Обдорской заставе было с Руси торговых и промышленных людей 919 человек, а в следующем году 745²⁾). И в других пунктах Печорского пути отмечаются большие размеры «сибирского проезда»; так в Соли Вычегодской «сибирский проезд» в сентябре и в октябре 1643 г., преимущественно водным путем, определялся, по таможенной книге, в 362 чел.³⁾. Товаров было явлено в 1639 году на 16.494 р. 80 к., а в следующем 1640 г. на 9.301 руб.⁴⁾ Большое число проезжающих и провозимых товаров ограничивалось на крупных размерах таможенных доходов: в 1638 г. таможенный сбор Собского устья и Обдорской заставы определялся в 1.859 руб. с лишним (читая Киртасскую заставу)⁵⁾, в 1639 г.—в 1.239 р. 77 2/3 к.⁶⁾. Во второй половине XVII века, с прекращением поездок морем в Мангазею и с упадком мангазейских промыслов, движение «чрезкаменным» путем сократилось, но было, все-таки, значительно. Так, летом 1695 года через Собское устье проходило «в русские города» 224 чел. и «на русских города» — 9 человек—всего 233 чел. Ехавшие из Сибири торговые люди вели с собою мягкую рухлядь и китайские товары⁷⁾.

С Обдоры сажание через Камень торговые и промышленные люди направлялись, «не займая Тобольска», в города, расположенные по Оби: в Березов, Сургут, Нарым, Кетек, Томск, и далее в Енисейск, а также через море в Мангазею⁸⁾. Надо, однако, отметить, что пользовались «чрезкаменным» путем далеко не равномерно. Он служил преимущественно для обратного путешествия из Сибири к Руси, когда жители перечисленных выше «лонговых» городов, торговые люди, непродав свои товары и хлебные запасы, промышленные люди, быв на промыслах, этим путем отправлялись во自己的. Все движение из Мангазеи к Руси шло исключительно через Камень. Через Камень же везли государеву соболиную казну из Березова, Сургута, Нарыма, Кетека, Енисейска, Красноярска и Ленского острога⁹⁾. Для пути же в Сибирь предпочитали Верхотурье. Но «тесным, болотным и горным речкам трудно было привозить с Руси в Сибирь громоздкие товары, которые везлись для

¹⁾ Сиб. Прок., л. № 42.

²⁾ Сиб. Прок., ст. № 102, л. 169.

³⁾ А. М. И. Д. Соловьев. тамож. книга 1614 г., № 16.

⁴⁾ Сиб. Прок., ст. № 102, л. 168—169.

⁵⁾ Сиб. Прок., ст. № 78, л. 300—301.

⁶⁾ Сиб. Прок., ст. № 102, л. 168.

⁷⁾ Сиб. Прок., л. № 1066.

⁸⁾ Сиб. Прок., кв. № 6, л. 177 об.—181, ст. № 259, л. 687. Р. И. Б. Н. № 264(В).

⁹⁾ Обдорск. тамож. книга 149 р. Сиб. Прок., л. № 6, л. 177 об.—181.

мены на пушину, и, наоборот, самая пушинна легко уменьшалась в небольших областях, совершивших путь через Камень. Этим объясняется то обстоятельство, что движение с востока на запад по «прекаменному» пути было оживленнее, чем с запада на восток.

Древний «прекаменный» путь функционировал в течение всего XVII в. В 1704 г., по не вполне ясным фискальным соображениям, было предписано ездить исключительно через Верхотурье. Указ, один из многих случайных и малообоснованных указов, вышедших из под пера первого цара Петра Великого, был повторен в 1706 году, при чем определено запрещалось ездить через Камень, что на Березове. В 1722 г. было вновь подтверждено, чтобы через Березов и Собскую заставу как в Сибирь, так и на Сибирь отнюдь никого не пропускать, для того, что по присланной Е. И. В-ва грамоте 704 году, кроме Верхотурия, как в Сибирь, так и из Сибири пропускать никого не велено¹⁾.

С этого момента этот, исторически сложившийся и в течение ряда веков связывавший Россию с Азией, путь — постепенно отмирает и утрачивает свое значение.

В непосредственной связи с Нечорским путем находился морской путь, «морем-окияном, мимо Пустозерского острога», которым поморские промышленники пользовались уже пользовались в первой половине XVI века и продолжали ходить до 1620 г., когда он был закрыт для них вследствие запрещения, последовавшего от властей. По словам самих промышленных людей в 1617 году, они ходили морем, «которого лета льды пропускатъ в Обскую губу и в Мангазею «для своих промысловъ с Двины, с Ниеги и с Мезени, слет по 20, но 30 и большие»²⁾.

Морской путь шел вдоль побережья Ледовитого океана. Выйдя из устьев Двины, плыли «подле берега и через губу пособным ветром с запада на восток... влево море, а вправо земля», обтекали Канин полуостров, огибая отмеченный на карте царевича Федора Канин пос (Saminoos), и мимо Колгуева или через Ческую губу на Кулуйское устье. Чтобы избегнуть длительного пути вокруг Канина полуострова, пользовались иногда «Ческим волоком», образуемым реками Чикою, впадающей в Белое море, и Ченою, впадающей в Медвежью губу, верховья которых настолько близко подходят друг к другу, что «и большую полутретью водок понимает водою». Даже в позднее время сухое пространство составляло всего сажен 20, через которые кони промышленников переползли, «наймуючи», коневавшие по окре-

стным тундрам самоеды³⁾. Пересякни Чешкую губу, кони или вдоль берега до так называемого Русского заворота, где он делает резкий поворот к югу, обраzuя Нечорскую губу или «Сухое море», как ее называли XVII в.⁴⁾, обогнув Медвежий заворот, ограничивающий Нечорскую губу с востока⁵⁾, или «большим же морем-окияном из урочища Югорский шар», т. иши и прямо болтым морем, переплывая через губы морские, а на губах местами глубоко, а в иных местах мелко и сажень, а иные и меньше, а в иных местах и суда ставятъ. Оставаясь вправо «Варандесы мели»⁶⁾, перескали Королеву (теперь Хайнудырскую) губу и въезжали в Югорский шар, образующий пролив (проезд) между материком и о-вом Вайгачем: «а тот проезд проходитъ Вайгача, да промеж берегов, а по берегу лежит грядою камень..., а проезд местами глубоко, а местами мелко». Бывали годы, когда, по словам русских промышленников, Югорский шар был закрыт льдами. Близко к Вайгачу не подходили, «потому что отшел далеко в море, да и льды великие стоятъ». Оставив, таким образом, в стороне «остров великий каменный» с его суровыми и пустынными берегами (местами тундра, а местами камень голый, а леса никакого нет... место пустое, людей нет») и с его знаменитым самоедским святилищем, которое русские промышленники еще в 1556 году показывали Стефану Берро, въезжали в Карскую губу или Нирвомское море, как ее иначе называли⁷⁾.

Полуостров Ялма был хорошо известен русским уже в начале XVII века: на картах Массы и царевича Федора Борисовича помечен целый ряд урочищ вдоль его берегов: Мутный шар (Mutnitzar или Mogintzar), Шераповы конки (Seerapovi coosei), Бритин столб (Britin stolb), именный Белужий мыс; на восточном берегу: Запорот, реки Мутная, Зеленая, Черная (Tser-naya), Рыбная (Rybnaia); внутри полуострова «озера» (Ozera), к северу от него Белый остров.

¹⁾ Р. И. Б., II, № 254 (Х). Ческий волок подробно описан Б. М. Житковым (с. Отчетах акад. И. Р. Р. О. на Канин. и Зан. Русск. Географ. О-ва по обр. геогр., т. IV, пис. I).

²⁾ «Sucho more» на картах Ивана Массы и цар. Федора Борисовича. Так же называют его англичане, бывшие в Пустозерске в 1611—1612 г. (см. Г. А. Г. стр. 166—167). В россии суда, потерпевшие аварию в 1691 г., имевшейся в деле о сенате кн. Голицыных, падшем Арханг. Ком., говорится про кон, который был Загубский берег в Сухое море пакиуплов. (Романы, дело о Ф. Шакловитом, III, стр. 137б).

³⁾ В 1691 г. голландцы видели на Медвежьем завороте множество крестов, соединявшихся о частях несчастных с кораблями на этом месте (см. у Замиловского, пис. соч., стр. 8).

⁴⁾ Полуостров Большой Варандей (Вороти Варандей на карте цар. Федора), ограниченный Нечорской губой и Хайнудырской.

⁵⁾ О Вайгаче и Югорском шаре — Р. И. Б., II, № 254, Иас-Ен-У (дневник путешествия Берро), под. Everyman's Library, I, стр. 346—347. Нирвомское море, выше Нарвомского и Нарымского.

⁶⁾ Имянники Сибирек. история XVII века, под. Арх. Кост., II, № 70, № 80 (I), № 86.

⁷⁾ Р. И. Б., II, № 254 (Х).

Во избежание длительного и опасного обьеза Ямала морем, русские мореходы срезали его посредством волок между Мутной рекою, впадающей в Карскую губу, и Зеленою, впадающей в Обскую губу. Мутная река¹⁾, маленькая речонка («река можно камень перебросить»), настолько мелкая, что «в грузу кочи не проходят, а дожидаются с моря прибыльные воды (прилива)», протекала по пустынной тундре, поросшей мелким лесом — яришком, по которой кочевала лишь карабейская самоядь. По ней шли «прибылью водою», «тянулись бечевой» в течение 20 дней «до озер, из коих вышла Мутная река, а вышла Мутная река из тех озер невеликих, версты по две»²⁾. Дойди «до озера, до первины Мутных реки», запасы волокли «сажек озерцами» в «шавозах», т.-е. небольших ледках, «а проводили навозки от озера до озера паточинами (тянули, но воде бродячи), одни навозы тянут два человека, а те между баерцами паточинами то-же в дву местах от озера до озера по версте и меньше, а кочи тянут канаты после запасов порожние по тем паточинам всеми людьми, а от третьего озера или на волок до большого озера»³⁾, из которого вышла Зеленая река⁴⁾. «Сухого волоку от озера до озера» считалось всего с $\frac{1}{2}$ версты, «а место ровное, земля песчана»⁵⁾. Через волок запасы носили «на себе на плечах», новозки водочили канатами, большие кочи тянули тоже канатами «по кадкам, поделав вороты». «А носили через волок запасы и навозки волочили и кочи тянули ден с б». Достигнув «большого озера», пересекали его и входили в вытекающую из него Зеленую реку. Последняя была еще «сменные Мутные и мельче», «и или ... за них Зеленою рекою, новозили запас в шавозах, а кочи тянули порожние всеми людьми». Из Зеленои реки попадали в Обскую губу и бежали «нарусым ногодьем» (т.-е. при благоприятном ветре) до «Заворота» день. У Заворота (ныне мыс Камений) береговая линия Ямала делает резкий поворот на юго-запад; здесь сворачивали на восток в Таразовскую губу, все время имея в глазах «и обе стороны берега», и въезжали в устье реки Таа, берега которой были известны под именем Мангазея. Мангазея и была концом пунктом морских путешествий XVI и XVII вв.⁶⁾.

¹⁾ Имея Се-яга, т.-е. Проходная река, самодское название, соответствующее русской Водопадке.

²⁾ Это озеро Ней-то (Навиное озеро); от них Се-яга, впадающая в Карскую губу получила название Ней-то Се-яга. Озера эти носят название Мал-то, Ер-то и Игай-то-то (см. В. М. Житкович. Полуостров Ямал, в т. 49 Зап. Русск. Геогр. Об-ва по общей географии).

³⁾ Это озеро Яибу-то, т.-е. Даниное; в XVII в. его называли Зеленим.

⁴⁾ Се-яга Вануута, т.-е. Проходная река племени Вануута.

⁵⁾ Волок этот обследован и описан Б. М. Житковичем (изд. соч.).

⁶⁾ Р. И. Б., II, № 254 (Х). Путь этот описан английским в 1611—1612 гг. См. Schlegel, II, 170—171 и Recueil de Voyages au Nord, IV, 1792 г. стр. 611 след.

Морской переход совершился на «малых кочах», примитивного устройства плоскодонных барках с налубами, имевших приблизительно 10 человек и 400 пудов груза и ходивших на парусах. Путь был долгий: отправляясь в Двину с Петрова заговения, приходили к устью Мутной реки только на Успеньев день или на Семенъ день (1 сентября); следовательно, на одну эту часть пути требовалось от $2\frac{1}{2}$ до 3 месяцев. Продолжительность пути от Мангазеевского города до Карской губы «в русский конец, Таразовскую губу и через Обь (Обскую губу) и на Зеленую реку и через волок на Мутную реку и до Карской губы самими промышленниками определялся в 5—6 недель. Всего, таким образом, требовалось в среднем 3—4 месяца времени. В одном случае, например, из ичорского устья вышли «Петрове дни», а в Мангазею пришли перед Покровом⁷⁾.

Продолжительность пути зависела всецело от случайностей погоды: за кого бог не даст пособных ветров, и тогда все кочи ворочатся в Пустозеро; а кого захватит на Мутной или на Зеленои реке поздне время, и на тех реках замерзают и животинка свои и запасы мечут на пусте, а сами ходят на лыжах в Березовский уезд. «А как замутят льды большие, и то обходят около льдов парусом и гребью неделю с несть, а иногда и обойти льды немочно, и от тех мост ворочаются назад в Пустозеро». Пижакаша Фомку Борисова, например, под Бурловым берегом (в Вараандеях) «заявили великие льды, и они сквозь льды пробивались в том месте четыре недели, а как льды отнесло в большое море, и они пришли к Югорскому шару». В 1626 г. ехавших из Тобольска служилых людей у Заворота застигла «туча с дождем и ветр встречный с северу, и парус на коче изодрало, и навозок (шлюпку) разбило, и коч с якорем сбыло и пришло за кочику, и стояли-де они за ветры 6 недель, дожидалися пособных ветров» и после Успенья воротились назад, «потому что стало поздно, море стало мерзнуть и льдов стало много». С такими трудностями приходилось русским мореходам преодолевать «непроходимые злые места от великих льдов и всякие нужи»⁸⁾.

Несмотря на все опасности и трудности морского пути, им пользовались не одни случайные пекатели приключений: «из Архангельского города», по современным свидетельствам, «в Мангазею во вся годы ходят кочами многие торговые и промышленные люди со всякими немецкими товары и с хлебом». В 1601 году в Мангазею прибыло морем 4 коча, на котором ехало человек с 40; в 1602 году столько же; в 1610 г.—160 человек на

⁷⁾ Р. И. Б., II, № 254 (Х).

⁸⁾ Р. И. Б., II, № 254 (IV, X), VIII, № 11 (IX). Топография Бурлового берега устанавливается рекой «Песчаная Бурлова» (Кв. Б. Чертеж, изд. Спасского, стр. 187) и деревя о селаке кв. Годиницах (стр. 1876—1877).

16 кочах; в 1611 году выехало из Номорья 26 кочей, но должны были вернуться из-за неблагоприятной погоды; в 1612 г.—16 кочей, а в 1613 г.—17; в 1618 и 1619 гг. в Мангазею «пришли морем много людьи»^{1).}

Морские плавания в Мангазею имели место уже в XVI в.²⁾. Первое упоминание о них мы находим в дневнике плавания по Ледовитому океану Стефана Берро в 1556 году; он встретил у Вайгача колмогорских и ичорских жителей, промышлявших здесь охотой на моржей и на белых медведей; один из них выяснялся, «если бог пошлет ветер и хорошую погоду», провести англичанина на Обь и на р. «Нарамзай», куда сам собирался ити ввиду малого улова моржей у Вайгача^{3).} От второй половины XVI века уже имеется целый ряд сокращений определенных указаний: так, по сведениям собранным в 1595 г. голландцами, ежегодно несколько лодок ходило с Колмогор на р. Обь и даже на Енисей (Giliassy) и возили с собой сукна и другие товары^{4).} «Морем и Обью» ходили в конце столетия в Мангазею чиновники и мещанца, как известует из их челобитной, поданной в 1600 году^{5).} В царствование Федора Ивановича, московский гость Лука организовал даже экспедицию на трех кочах «проведывать обского устья», закончившуюся трагически: все участники ее погибли «о великие нужды», и в живых осталось только четыре человека^{6).}

По следам русских мореходов в средние XVI в. морским путем из Номорья в Обскую губу пробовали воспользоваться английские исследователи в поисках пути Ледовитым океаном в Китай. В 1556 году, как мы видели, нуть «морем вдоль ичорского побережья на восток» сделалася известной Стефану Берро от русских промышленников, сидевших на моржевые промыслы к устьям Ичоры и Оби. Несколько позднее Джекинсон из своих странствий по России вывел сведения о басенской «Moldovizia» (Мангазея), начертанные из «Сказания о человеках неизвестных», и эта маленькая поленая запись, будучи переведена на английский язык, послужила путеводной пыткою для смелых штурчных гипотез и отважных предприятий, подобно тому как безграмотные «перстяки» русских мореплавателей легли

¹⁾ Р. И. Б., II, № 264. Сейтепик, II, стр. 168—169, 173, 187, 196.

²⁾ Будапекши в статье: Мангазея и Мангазеевский уезд (в Зап. Харк. У-тех 1891 г. № 1) высказывает предположение, что путь этот был поштен по городам, но не приводит к тому никаких доказательств. Он сам говорит: «Мы сознаемся, что наши предположения относительно упомянутого морского плавания по городам мало убедительны; мы не можем основать свое предположение на несомненных исторических данных» (стр. 40).

³⁾ Насл. Гл. I, стр. 346, 347.

⁴⁾ Замысловский И., письм. сочин. (стр. 89—90, где приведены цитаты из журналов голландских экспедиций).

⁵⁾ А. И. Г., № 30.

⁶⁾ Р. И. Б., II, № 264 (X).

в основание европейской картографии Ледовитого океана^{1).} Ряд английских и голландских экспедиций во второй половине XVI и первой четверти XVII века обследовали этот путь (Вильгельм в 1553 году, Берро в 1556, Нет и Джексон в 1580 г., К. Найл в 1594—95 гг., Варенц в 1596 г., Гудсон в 1608 г., Боман в 1625 г.).

В 1610 г. русские промышленники, бывшие на промыслах в Мангазее, сделали очень важное открытие. Деникин Кондратка Курочкин, «поговорив товарищи своими с торговыми людьми в дчиняны-же», устроил экспедицию на кочах с Турухана к устью Енисея; они не сразу пробились к морю, потому что «устье енисейское занесло на моря льдом», и «из реки в губу за льдом проехать неможно, был беспрестанно ветер с севера»; простояв в устье недель пять, они хотели было пакади-тиаться, «да как вспнул полуденный ветер, и тем ветром лед из устья отнесло в море... одним днем, а как река и море прочищились...», и они выехали из Енисея в море. Так выяснилось, что Енисей впадает в морскую губу того же Студеного моря, «которым ходят немцы из своих земель к Архангельскому городу, и просад с моря к енисейскому устью есть... и большими кораблями из моря в Енисей пройти можно». Это известие достигло в 1616 году Тобольска, тогдашнего административного центра Сибири, и вызвало здесь переполох. Важность новой открытого пути не усомнила от тобольских воеводки. Ив. Сем. Куракина и Ив. Булыгина, «И мы, холопы твои», писали они царю, «в Мангазею и в Енисею приходу чаем немецких торговых людей, потому что река Енисей угодна, рыбы в ней много, а живут по всей нашей татарои, и зверь по всей дорогой, а имходить с немецкими товарами подати». Тобольским администраторам новый путь представлялся опасным в двух отношении: «може... немцам пройти в Мангазею из своих земель, не займая Архангельского города», и «приехав-бы поинские мвотие люди сибирским городам какой порухи не учинили». Другое опасение было вызвано страхом убытков для государевой казны: «только поедут (русские люди) большим морем, и учнут торговать с немцами и с русскими людьми, утаив на Югорском Шару, на Тресковой..., на Колгуеве, на Моржевике, на Канине посу, и... государеве казне в пошлинах истеря будет». Наконец, мор-

¹⁾ О «Сказании» см. статью Д. И. Акулича, К истории обнаружения Сибири до Ермака (в Трудах Моск. Археол. О-ва, т. XIV); «Сказание» напечатано Титовым (Сибирь в XVII в.) и Акуличем в напечатаной статье. Акуличский перевод несколько отличается от этого сказания, сделанного Джекинсоном—Гасли, I, стр. 467 (нар. Eustachius's Library). Что английские исследователи получили свои сведения про Мангазею, видно из употребленной у них формы «Moldovizia», написанной на Сибирине (Молдовиен). О пользовании голландцами в 1594 г. русским чертежом побережья от Белого моря до Ичоры у Замысловского (наз. соч.). Карта Масса, как видно из его собственных слов, составлена тоже на основании русского чертежа.

ской путь был и в том отношении невыгоден, что, благодаря ему, промышленники избегали многочисленных внутренних таможен.

Все эти соображения, политического и фискального свойства, заставили кн. И. С. Куракина ходатайствовать о полном запрещении русским людям ездить в Мангазею морем; в том же году соответствующий царский указ был прислан из Москвы с угрозой «великой опасны» тем людям, которые вздумают впередходить в Сибирь морским путем. Указ этот, однако, вызвал спергическое противодействие со стороны поморского населения. Торговые и промышленные люди всех городов, «которые ходят для торгов своих и промыслов в Мангазею», подали мангазейским воеводам члобитную с ходатайством, чтоб государь изжаловал, велел им из Мангазеи к Руси и в Мангазею с Руси ходить и поволить большим морем... по прежнему, чтоб им вперед без промыслов не быть, а... (государевой) соболиной казне в их бесторжнике и беспромыслу... убытию не было». Доводы торговых людей о том, что запрещение морского пути отразится на казенных доходах, показались убедительны, тем более, что в Москве, при смутных географических познаниях того времени, с трудом разбирались в вопросе, поднятом кн. Куракиным. В 1618 году первоначальный указ был отменен, и было разрешено ходить в Сибирь «большим морем», «как наперед того ходили». Но при этом правительство в сущности перелагало окончательное разрешение вопроса на местную администрацию: «а во всем мы в том морском мангазейском ходу положили то дело на тебя, боярина нашего кн. Ивана Семеновича», писали из Москвы Куракину, «и ты бы всякие наши дела делал в Сибири, смотря по тамошнему делу, как бы нашему делу было и прибыльнее и порухи никакой в нашем деле не было». И. С. Куракин воспользовался предоставленным им полномочием и в 1619 году свою властью наложил ездить из Сибири к Руси и обратно морем, о чем уведомил поморские города. В следующем году это распоряжение было официально утверждено правительством, и из Москвы послал «заказ крепкий». В 1620 г., таким образом, запрещено было окончательно ездить «старою дорогою, большим морем»; жестокое наказание грозило ослушникам: «и тем людем за то их воровство и измену быть какиеними злами смертьми, и дома их всем разорити до основания»¹⁾.

Раз принятое решение проводилось в жизнь исполнению: «та дорого, по государеву указу, от дальних лет в крепкой заповеди с смертою казнью належит, чтоб никакой человек тем заповедным путем из большого моря-окиана в Мангазейское море, и из Мангазейского моря в большой окиан никто не

ходил»²⁾. Из Москвы было предписано поставить на волоке между Мутной и Зеленою рекой «для береженья проходу немецких и торговых людей» острожек, куда посыпать из Березова ежегодно служилых людей, которые должны были там оставаться в течение всего навигационного периода. Исполнение этого указа встречалось на практике с непредсказуемыми препятствиями, так как «для великого дальнего расстояния и свирепости моря» служилые люди не только не могли поставить острог, но и нередко не могли даже дойти до волока. Московское правительство не переставало, однако, из года в год посылать о том указы в Тобольск с требованием посылки служилых людей «во время, не испустя поры», а тобольская администрация безжалостно наказывала наказание служилым людям, не сумевшим исполнить поручение³⁾.

Так великий морской путь был закрыт для предпринимчивых поморских мореходов, по память об «заповедной», «воронской» дороге «окианскую проливою» долго жила среди «ведомых» морских ходоков Поморья, искрываясь налогом легенды, и долго еще ходили среди них толки о том, что «обским устьем в большое море и большим морем в Литву и в немцы пройти можно»⁴⁾. Предания о ней дошли до XVIII века, когда в 1753 г. И. И. Шувалов, «уведомился», что «в прошлых годах» морем «промышленников хаживало не малое число», отчего «промышленный народ весьма пользовался», и выхлопотал себе на этом основании разрешение образовать компанию для эксплоатации «океанских» промыслов по берегам Чедовитого океана до реки Таза⁵⁾. Но только во второй половине XIX и в начале ХХ века, благодаря, главным образом, экспедициям Норденшельда (1875—1876, 1879) и Нансена (1893—1896 и 1913 г.) и усилиям русских предпринимателей Сидорова и Сибирякова, окончательно выяснилась возможность пользоваться «старой морской дорогой» для сношений с северным побережьем Сибири.

¹⁾ Прик. д. ст. л. 1630, № 79, лл. 75—80.

²⁾ Сиб. Прик., ст. № 16, лл. 1—5, 25, № 25, лл. 156, 245, № 60, л. 509. Р. И. Б., II, № 254 (XI), VIII, № 11 (IX).

³⁾ Прик. дела ст. лет. 1630, № 79, лл. 76—80. В 1630 г. морским путем попался мангазейский воевода Г. И. Кокорев. Это дело под его врагам обвинять его в попытке парушить «заповедь», будто на обратном пути из Мангазеи он ходил «неугожею дорогою... и поребежал на другую сторону Мангазейского моря, ниже Зеленою реки был, и не пропустили его моря». «И то, государи, знаю», писал дончевик царю и патриарху, «что он, Григорей, по своему воронскому умыслу пропадал к Нарымскому морю и к Карской губе, к большой окянской проливе, да не пропустили его моря большине, и не пропустило ваше государьское крестное целование, послало его... что в такой безмерной ширине не увидит своей воронской дороги... и то, государи, не ясная ли к вам, государям, измена? И нечто, государи, ои, Григорей, умысли воронски, хотел, тво заповедную дорогу воронскую, и привести тем путем немецких людей и ваши государскую заповедную далекую заморскую Мангазейскую землю и ваши земли заходить».

⁴⁾ И. С. Зак. XIII, № 10083.

Пути по Нечоре и ее притокам и по морю обслуживали, главным образом, промысленные нужды населения русского Ненорья. Для истории завоевания Сибири более важное значение имеет другой путь — рекою Камою и ее восточными притоками.

Корни Камского пути теряются в глубокой древности. Этим путем еще в VI в. по Р. Хр. доставлялись из Азии те серебряные сосуды, характерные для эпохи Сассанидов, которые до сих пор находятся на берегах рек, принадлежащих к бассейну Камы. Долгое время, однако, этот путь был закрыт для русских, которые при продвижении своем в среднее Поволжье нашли здесь, близ устья Камы, могущественное государство тюрков-булгар, захвативших в свои руки торговые пути в «страну Мрака» т.-е. в Сибирь. Булгарские купцы ходили за Урал за пушниной, и арабские писатели сохранили любопытные подробности о немецкой торговле, производившейся ими с сибирскими инородцами, которых они, подобно русским, называли именем Югры (Юра) ¹⁾.

Начиная с XII века, сузdalские великие князья тщетно боролись за обладание Камским путем и предпринимали ряд более или менее удачных походов на Каму. Булгарское царствоказалось достаточно сильным, чтобы выдержать нападок; но временем булгары даже сами проявляли некоторые агрессивные намерения, стремясь распространить свою власть на Устюг, служивший ключом к новгородским торговым путям на север. Когда в средние XIII в. Булгарское царствопало под ударами татарских завоевателей, на его развалинах образовалось сперва киричество, потом ханство Казанское, в руках которого сосредоточивались подступы к Зауральскому пути. Между Казанью и Сибирью устанавливались оживленные торговые и политические сношения, свидетельством чему служит название одних из ворот в Казани «Тюменскими» и брачные союзы между царствующими домами казанских и сибирских ханов. Впоследствии русские называли «старой казанской дорогой» путь Камою на Уфу и степью «полем» на верховья Исети; это был, вероятно, очень древний караванный путь из Бухары в Булгар, о котором говорят еще арабские писатели. На-ряду с караванной дорогой через Уфимские степи, казанские татары пользовались, повидимому, и речными путями по Чусовой и Сылве.

Только после завоевания Казанского царства русские стали твердой ногой на Каме и на ее притоках.

Несколько путей вели с Камы за Урал. В XV и XVI вв. наиболее известен был путь от Соли Камской мимо Чердынь водяным путем Вишерою (притоком Камы, на котором стоит

¹⁾ Тиасенгауза, Сб. материалов по истории Зол. Ория, стр. 297. Лерберг, О географическом положении и истории Югорских земель, в Исследованиях, 1819, стр. 35—41.

Чердынь) вверх, да через Камень и Ильину реку, да Лозьююшину в Танду реку, да Тандою рекою вниз до Тобола реки и далее по Иртышу и по Оби.

Путь Камою через Чердынь имел то преимущество, что он был тесно связан с Вычегодою и с Нечорою. С Вычегдою он соединялся двумя артериями: либо непосредственно от Соли Вычегодской р. Вишерою и «Вишерским водоком» на Сысолу, из Сысолы Ужгою и волоком на Каму к Гайнам и в Вишеру к Чердыни ²⁾; либо с верховьев Вычегды рекою Немом и волоком на Вишерку, приток Колвы, впадающей в Вишеру близ Чердыни ³⁾. На Нечору путь шел из Вишеры в Колву до Вишерки, выходящей из Чусовского озера; и Чусовское озеро впадает р. Березовка с притоком Богулкою, которая подходит очень близко к верховьям р. Водоносицы, притока Нечоры ⁴⁾.

Путь Камою и Вишерою мимо Чердыни сделался доступней русским после покорения Перми в 1472 году. Уже в 1483 г. этим путем ходили воеводы великого князя кн. Фед. Курбский и Ив. Ив. Солтыков походом против нелымских ногуличей, живших на Танде за Уралом. После боя «на усть-реки Нельмы» (Нельм — приток Танды), они «шли вниз по Танде реке мимо (т.-е. оставив в стороне) Тюмень в Сибирскую землю...», а от Сибири идя по Иртышу реке вина, волюни, и князей югорских воевали ⁵⁾. Этим же путем производили, с своей стороны, нелымские ногуличи свои опустошительные набеги на Пермь в XVI в. Путь из Сибири по Танде вверх и через Камень ногуличами был известен и «рокам Ермака» ⁶⁾.

После покорения Сибирского царства, Московское правительство потребовалось закрепить за собою чердынский путь постройкой около 1590 г. городка на р. Лозине. Дорога через Чердынь и «новый город» Лозину была первое время официальной дорогой, по которой шли все сношения Москвы с новым завоеванным краем. Этой дорогой ходили государева донежная и соболиная казна и хлебные запасы и торговые люди, пермячи и иных городов ⁷⁾. Чердынь сделалась центром, откуда производилось завоевание зауральских земель, постройка новых горо-

¹⁾ Иллакисор, О двух грамотах 1611 года (Статьи по русской истории, изд. 1-е, стр. 196—200). Прим. д. ет. лет 1656, № 4.

²⁾ См. описание пути у Никола Масси (Russia seu Moscovia. Loglioni Batavorum, ex officina Elzeviorum, 1630, стр. 37) и в библиотекском издании кн. Добровольского и нач-тер-Ланде (Histoire des guerres de Moscovie par J. Massa de Haarlem, Bruxelles, 1866) I, стр. 274 след.

³⁾ Загоскин, Русские водные пути и до-Петровской Русл (изд. Упр. по внутр. водам, путей и мостов, дорог, мин. XVI), стр. 193—194. А. М. И. Д. Соре, дела, 1623, № 2, л. 6.

⁴⁾ Архангелогор. летописец, изд. 1780, стр. 160—161.

⁵⁾ Сиб. летопись, стр. 320.

⁶⁾ Сиб. Истор., кн. № 2, л. 161. Миллер, Опыт Сиб. царства, стр. 322.

дов (нар. Нелыма, Березова, Верхотурья), снабжение их всем необходимым и даже сбор ясака¹⁾.

Значение чердынского пути утратилось с открытием Артемием Бабиным в 1597 году более короткого пути непосредственно от Соли Камской на верховья Туры. С постройкой Верхотурья официальный тракт прошел через этот город, и в 1598 г. Лозгинский городок был срыт. Тем не менее промышленные и торговые люди, особенно пермики, не сразу привыкли к новому направлению дороги из Верхотурье и продолжали некоторое время ходить «старою дорогою на Лозуву»²⁾.

Другой путь с Камы за Урал шел по ее притоку Чусовой до устья впадающей в нее реки Серебряники, по Серебрянике до Тагильского волока, волоком в 25 «поприщ» на р. Жеравлю, из р. Жеравли в Баранчу, из Баранчи в Тагил и из Тагила в Туру³⁾. Имелся, кажется, и другой вариант того же пути по притоку Чусовой Сылве⁴⁾.

Путем в Сибирь по Чусовой, повидимому, пользовались уже казанские татары для сношений с Тюменью⁵⁾. Этим же путем в течение всего XVI века производились зауральскими инородцами набеги на южнорусские области.

В 1573 г. из Сибирской земли, с Тобола, на Чусовую приходила ратью царевич Махмет-Кул «дорогу проводывать» в Пермь, а в 1580 г. разорил русские поселки на этих реках испытский мурза Бекбелий Атасев. В результате таких набегов сибирским ханам удалось одно время подчинить своему влиянию остыков, живших по Чусовой. С другой стороны, есть признаки, показывающие что со стороны Казани по Чусовой и ее притокам шла татарская колонизация. В 20-х годах XVII века татарские «вотчины» встречаются у впадения Чусовой в Каму (муллынские татары в Верхних и Нижних Муллах) и по Сылве и ее притокам Тазу, Бабе, Шакве и Юрману⁶⁾.

¹⁾ Р. И. Б., II, №№ 53 (I), 56, 60. Сиб. лет., стр. 46.

²⁾ Сиб. Прик., час. № 2, л. 151.

³⁾ Сиб. летопись, стр. 11, 16, 216, 314. Книга Б. Чертеж, стр. 146. Заглавия, назыв. соч., стр. 198—199.

⁴⁾ Архангелог. летопись, стр. 177—178. Дмитриев, Пермская Старина, I, стр. 192.

⁵⁾ Это видно из того, что Тагильский волок задолго до завоевания Сибири русскими имел название Тюменского (см. Пермскую Уставную грамоту 1661 г., начеч. Дмитриевым и Г. Г. Пермской старине), и что в 1672 г. посол Ивана IV Чебуков шел в Сибирь по Чусовой через Казань. Следы Чусовского пути в Казань сохранились в течение всего XVII в.

⁶⁾ Пермская Старина, IV, стр. 79. Шипиловка, Пермская летопись, II, стр. 126—129. См. данные о татарских вотчинах в книге Каптерева в IV т. Пермской Старины. Ср. А. М. И. Д. Строган. дела, 1576—1640.

Русские завладели путем по Чусовой после завоевания Казани, но еще раньше они пользовались им для торговых сношений с сибирскими инородцами. Уже в первой половине XVI в. первичи посыпали «к полоку Тюменскому и в vogulichi и в Сылву своих людей с пермским со всяким товаром торговати», и в этой торговле принимал участие через своих людей сам наместник пермский¹⁾. С налением Казани эти торговые сношения должны были получить дальнейшее развитие, и «чердынские страны люди» стали ездить по Каме и по Чусовой, «купая себе остицкие кули»²⁾. Достаточно указать, что в 1572 г. около Строгановских городков инородцы избили 87 человек русских торговых людей³⁾.

Путем через Казань по Чусовой пользовалось и правительство Ивана Грозного для сношений с Зауральем: мимо Строгановских городов, как видно из жалованных грамот, ездили царские послы с Москвы в Сибирь и из Сибири в Москву⁴⁾. Так шел, например, из Сибири Третьях Чебуков в 1573 году, когда был застигнут и убит Махмет-Кулом.

Завоевание Казани открыло русской колонизации доступ «на вершину Камы, на места изобильные». Сюда хлынула волна поселенцев. Казань пала в 1552 году, а уже в 1558 году сольвычегодские промышленники Строгановы ходатайствуют о разрешении обосноваться на новых «местах пустых», где в то время тянулись «леса черные, речки и озера дикие, острова и павловки пустые». Энергичные предприниматели, они еще в начале XVI в. из Соли Вычегодской распространяли свою хозяйственную деятельность на Камское Устье, где заняли большие соляные промыслы⁵⁾. Теперь, в поисках соляного рассола, они, начиная с 1558 г., постепенно спускаются от Соли-Камской вниз по Каме, сперва утверждают в нескольких десятках верст к юго-востоку от Соли-Камской, между устьями Ямы и Чусовой, и оттуда в ближайшее десятилетие последовательно захватывают речные пути дальше на Сибирь—Сылву и Чусовую, а в 1574 г. уже торонятся обеспечить себе в дальнейшее обладание этого пути и обосноваться в Сибирской стороне, за Югорским

¹⁾ Пермская Старина, I, стр. 92.

²⁾ См. Иkitio Трифона, начеч. Струминским в Трудах Пермск. Губ. Уч. Арх. Ком., IX (стр. 63) и прот. Особий в Трудах Вятской Арх. Ком. 1912, начеч. I—II (стр. 85).

³⁾ Д. А. И., I, № 120. Ср. Иkitio Трифона в Трудах Вятск. Уч. Арх. Ком. 1912, I—II, стр. 38; там же любопытные сведения о присутствии среди поставщих чаемиши русских людей первичей—Андрея Дмитриева сына Мошевского с товарищи.

⁴⁾ Д. А. И., I, №№ 117, 119.

⁵⁾ Ценные данные о землевладении Строгановых в Усольском уезде в начале XVI в. имеются в Строгановских актах, хранящихся в Моск. Историч. Музее (Барсов, № 1819). Хозяйственной деятельности старшего поколения Строгановых посвящен очерк А. А. Вицебского; Аннека Строганов и ее сын Семен Чичеринским хронистом (в Сб. статей по русской истории, начеч. С. Ф. Илларионову, Пет. 1922 г.)

каменем, на Тайчее и на Тоболе реке и на Иртыше и из Оби и из
иных реках». Позднее, когда само правительство взяло в свои
руки завоеванное Строгановыми Сибирское царство и положило,
таким образом, предел их наступлению на восток, они распро-
стрияют свои владения на юг, вниз по Каме, по Очеру (при
царе Федоре) и по Онегу (при Михаиле Федоровиче)^{1).}

Московское правительство, предоставляя Строгановым «места
пустые», даровало им вместе с тем обширные льготы и привиле-
гии, чтобы облегчить хозяйственную эксплуатацию пожало-
ванных им земель. Они имели право «называть» в свои новые
потчины колонистов, из числа людей «ненисенных и нестяговых»,
которые на известные сроки (от 10 до 20 лет) освобождались от
всяких податей и повинностей в пользу казны. По истечении
срока, Строгановы получали право самим собирать с населения
своих вотчин следуемые с них подати и везти их в Москву.
Суд также переходил в руки вотчинников, и нерусским вос-
подам и их тунам запрещалось судить Строгановских людей,
и их доводчикам и правострикам—швырять к ним, давать их
на поруки и высыпать их по что-либо. Наконец, в Строгановских
вотчинах устанавливался свободный торг: «которые люди кто
приедут, и с деньгами или с товаром, если или рыбой купити,
или иного товару, и тем людям вольно туто товары свои прода-
вати и у них покупати безо всяких пошлий».

Таким образом, на путях в Сибирь образовалась во второй
половине XVI века обширная частновладельческая вотчина,
почти независимая от власти местных поевод, маленькое погра-
ничное государство, владельцы которого сосредоточивали в своих
руках и экономические, и политические права над занятой ими
территорией. Правительство, не будучи в состоянии своими
силами колонизовать далекую окраину, оказывало под-
держку частной предпринимчивости.

Сосредоточив в своих руках громадные земельные участки на Каме,
Строгановы развили кипучую колонизационную деятельность
на пожалованных им землях. Они имели в виду, по их собствен-
ным словам, «называть на то место панисенных гулящих людей
и дворы строить и изния раснахивать и пожни росчищати и в
реках и в озерах рыба ловити и, где будет найдут соляной рес-

сол, и в тех местах... варницы ставить и соль варить и трубы
соляные, и кладези делать, и дрова сечь к соляному варению».

Берега Камы в XVI в. представляли собою «леса дикие
и сплошные» («яху-же ту древеса велики и многоветвенные»),
среди которых были разбросаны редкие «улусы» татар, ногуличей и остиков. Поселенцы стали «труды к трудам прилагати,
лес сечи, сеянья ради хлебного» и «подеску... огнем ионалятии»,
«икоже обитай», и в сравнительно быстрое время «место пустыни» начало заселяться русским элементом^{2).}

Итоги колонизационной деятельности Строгановых могут
быть подведены по официальным данным конца XVI и первой
половины XVII века. В 1579 году, т.-е. приблизительно через
20 лет после первого пожалования мы находим во владениях
Строгановых 1 городок, 39 деревень и починков с 203 дворами
и 1 монастырь, ими основанный. Приблизительно через полвека,
в 1623/4 году в них числилось 3 городка, 3 острожка, 2 слободки,
2 монастыри, 2 сельца, 118 деревень и починков с 12 церквями,
933 дворами, 11 мельницами и с населением в 1354 чел. Фактически
население было еще многочисленнее, так как в писцовой книге
перечислены только крестьяне; между тем, как, наряду с кре-
стьянами, в вотчинах Строгановых имелся значительный контингент
«кабальных служилых людей», «скильцов должных» и «ка-
заков». Одновременно развивалась и колонизационная дея-
тельность основанного Строгановыми Ильинского монастыря: в
«подмонастырской слободке» жили «детеныши и крестьяне и
бобыли» и была устроена «девичь» монастырь, а на землях, пожало-
ванных владельцами монастырю, раскинулись монастыр-
ские деревни и починки. Еще позднее, в 1647 г. в состав Строгановских
владений входили уже 3 городка, 4 острожка, 1 сло-
бодка, 6 сел, 231 деревня и починок, в них 1814 двора с населе-
нием в 5701 человек^{3).}

Наряду с развитием хлебопашества—развивались соляные
промышлости. Уже в 1579 г. под Орлом городком мы находим
7 варниц соляных «со прены» и пустых 6 варниц без пренов^{3).}

¹⁾ Жал. грам. 1568 г. на имя Григория Аникича Строганова, издан. у Михаила Астраха (Опис. Сиб. царства, стр. 76—80), перепеч. Дмитрием и в Пермской Старине, том. IV. Жал. грам. 1568 г. на имя Якова Аникича Строганова у Михаила Астраха (стр. 80—84) и в Д. А. И., I, № 117. Жал. грам. 1574 г. на имя их обоих у Михаила Астраха (стр. 87—90). Эти грамоты приведены в в Отборах документов. Жал. грамота царя Федора на имя Ивана Григория Строганова начертана во под-
тверждательной грамоте царя Михаила от 16 сентябр. 1614 г. (А. М. И. Д. Строгановы дела 1575—1641, л. 11—13, и 1614 г.). Жал. грам. 1579 года (1614—
1615) на имя Андрея и Петра Строгановых—Строган. дела 1575—1641 гг., л. 12.

²⁾ Ильинская книга Яхонтова 1579 г. не сохранилась, итоги восстановления
Дмитрием по позднейшим данным (Пермская Старина, IV, 81). Писцовая
книга Кайтарова 1623/4—1624/5 гг. напечатана Дмитрием и в IV т. Пермской
Старине (стр. 110—194). Переводен. книга Еланарова 1647 г. издан. в Трудах Пермской Арх. Ком., том. II (итоги, стр. 116). О землемерах Ильинского
монастыря см. А. М. И. Д. Строган. дела 1673, № 4; о «соляных людях» там же,
карта XXIV, № 6.

³⁾ А. М. И. Д. Строган. дела 1575—1641, л. 5. О соляных варницах Строганов-
ых в 1614 г. см. у С. Б. Веселовского. Семь сбров запрошенных денег, при-
лож. № 31.

В 1623 г. Строгановым принадлежали 24 варницы, а в 1647—31¹⁾. Не последнее место занимали и хозяйство Строгановых и другие промыслы: «рыбные ловли и бобровые гоны и всякая звериная ловля». Они эксплуатировали «в Каме и в малых речках, и в озерах, и в истоках... неподные и охание, и переметные, и продолинные, и переводные, и бережные всякие рыболовные угодья». Своих людей они посыпали «соболей и бобров и всякого зверя ловить». Меха приобретались и путем мены от инородцев, которые съезжались в Строгановские городки даже из-за Урала. С своей стороны и Строгановы посыпали своих людей за Урал для скучки пушнины²⁾.

Помимо большого колонизационного значения деятельности Строгановых на дальней Пермской окраине, их вотчины имели также краинное стратегическое значение.

Расчищая леса и призывая людей на новые места, Строгановы должны были принимать меры к защите поселенцев от туземцев. Их владения непосредственно граничили на Сылве и ее притоках с «соляцкими улусами» и «ортами» обосновавшихся здесь до них татар; в других местах они входили в соприкосновение с ногуличами и черемисами. Непреклонные были праждебные столкновения между вчерашними хозяевами и новоизбранными, которые своими паниками и ночниками вторгались в борговые леса и в звериные ловли, принадлежавшие туземцам, «своим великим насилиством» сгоняли их «со старых их искони вечных вотчин» и разоряли их священные мольбища: «и деревни-де свои и жильцов на тех их вотчинах (Строгановы) устроили, и медвяные их ухожки и бобровые гоны и рыбные ловли, с чего-де они ясак платили, все поотнимали»³⁾.

Своей стороны, Строгановы жаловались на обиды от туземцев. «А те-деи слободки стоят на украине, а ногуличи живут близко их слобод», говорится с их слов в одной из царских грамот на Пермь, «а место лещее, людим и крестьянам из острогов выходить не дадут, и наши пахати, и дров сечи не дают-же. И, приходя деи, и невеликие люди, украдом, лошади и короны отнимают и людей побивают, и промыслы деи у них в слободках отняли, и соли варить не дадут»⁴⁾. Чусовские ногуличи

¹⁾ Любопытно двиндо о соляных промыслах Строгановых см.—А. М. И. Д. Строган. дела 1636 г. Из них видно, что количество соли, вывариваемой из чесомских варницах в 30-х годах XVII в., было около 60.000 пуд. Бытовые подробности в Житии Трифона (чудо с рассолом, заготовка дров).

²⁾ А. И. III, № 132. Д. А. И., IV, № 56. «Descriptio regionum Siberiae» Иеронима Мисса (ад. О бо а с и ск о г о, т. I, стр. 268).

³⁾ Об инородцах и их отношениях к Строгановым, см. А. М. И. Д. Строган. дела 1576—1641, лл. 23—26; книгу Капитарова (Пермск. Старина, IV); А. А. Э., III, № 118; А. И., III, № 112; Житие Трифона (Тр. Пермск. Арх. Ком., IX, стр. 64; Тр. Вятск. Арх. Ком. 1912, I—II, стр. 37).

⁴⁾ А. М. И. Д. Строг. дела, карт. XXIV, № 6. Д. А. И., I, № 126. Ср. Сиб. лет., стр. 9, 12.

то и дело производили набеги на Строгановские слободки, во время которых выжигали слободки и деревни и хлеб всякий, а крестьяне с женами и с детьми в полог имали, разоряли варницы и мельницы.

Опасность от окрестных инородцев сделалась особенно чувствительна, когда в своем продвижении на восток Строгановы столкнулись с иным лицом на встречу аналогичным наступлением со стороны сибирских татар. Признаки такого наступления можно заметить еще в начале XVI века, когда тюменские татары под предводительством царевича Кулука-Салтана, сына Ибака, посыпали всю нижнюю землю, разорили Усолье на Каме, русakov вывели и перебили¹⁾. Но особенно определенно выступает агрессивная политика сибирских ханов при Кучуме, который, утвердившись на престоле Тайбути, проявляет явное стремление распространить свою власть за Урал. В 1564 году Гр. Строганов пишет, что «слух его дошел..., хвалился ден сибирской салтар и шибашы ити в Пермь войной»²⁾. Под влиянием Кучума имел место в 1572 году черемесский бунт; в следующем году Махмет-Кул, «собрався с ратью», навромил русских даников-остяков, живших на Чусовой, и пробовал пройти на Пермь и не дошел до Строгановских слободок всего 5 верст. Через несколько лет «безвестно, украдом» напал на Строгановские владения мурза Бекбелий Атаков, «с ногульским и соляцким собраищем», и ту окрест живущих села и деревни поиздания и пожгоша и в поле... многих поимания». Наконец, этим же путем, Чусовою и Сылвою, возвращаясь в 1581 г. в Сибирь из-под Усолья Камского ногульский царымянский князь после опустошительного набега на Кай-город и на Чердынь, предпринятого не без участия со стороны Кучума; при этом погибли постыдные Строгановы, «и их ден слободка на Сылве, деревни все выжгли и людей и крестьян побили, жен и детей и полог поимали, и лошади и животину отогнали»; много людей «из их слободок, из острогов, из осады» бежало тогда в Пермь³⁾.

Неспокойное состояние приуральской Украины заставляло принимать меры предосторожности. Поэтому для защиты своих колоний Строгановы начинают воздвигать укрепленные острожки. Уже в 1558 г. Гр. Строганову разрешено было поставить городок Канкор на Пыскорском мысу в 15 верстах от Усолья-Камского,⁴⁾ «где бы место было крепко и усторожливо, и на то-

¹⁾ Архангелогор. лет., стр. 136.

²⁾ Д. А. И., I, № 117.

³⁾ А. М. И. Д. Строг. дела, карт. XXIV, № 6 и 6. Д. А. И., I, № 120, № 126 (Д. Сиб. лет., стр. 12).

⁴⁾ По расчету Книги Большого чертежа (ад. Сибирского, 1846 г., стр. 144); надо иметь в виду, что в версте в XVI—XVII вв. считались 1000 шагов.

роде пушки и пищали учинити и, пушкареи и пищальники, и воротников... устроити собою для береженья от ногайских людей и от иных орд; в 1564 г. он выхноштывает разрешение в 15 верстах выше Канкора поставить на Орлове наподобие другой городок — Кергедан или Орел, для защиты вновь заведенных соляных варниц: «стены сажен по 30, а с приступную сторону для пизи и к варницам ближе в глины место каменем закласти, а пищальники и сторожи для береженья... собою-ж держати, а наряд скорострельный в тех городах устроить ему собою-ж». Очевидно в это же приблизительно время был выстроен и третий городок Яйвейский на устье речки Усольи, впадающей в Яйву, приток Чусовой. В 1568 г. Яков Строганов получил такое же разрешение у нового соляного промысла вверх по Чусовой крепости поделати и городок поставить и содержать в нем гарнизон и артиллерию. Так возник Нижне-Чусовской городок, а воедино с открытием россола в верховых Чусовой, — Верхне-Чусовской городок¹⁾. Уже в царствование Ивана Грозного был основан укрепленный городок и на Сылве, а при царе Федоре в 1597 г. Очерский острожек, действовавший охранять рыбные ловли на Очере.

Эти городки представляли собою в сущности укрепленные усадьбы вотчинников. За их деревянными рублеными стенами, защищавшими глухими башнями, возвышали свои верхи, обитые белым железом, храмы и колокольни, и были расположены хоромы владельцев с хозяйственными службами, новариями, избреями, амбарами, боями и скотскими хлевами. На случай нападения, городки были снабжены достаточным количеством артиллерии, — пушек и пищалей, огнестрельного оружья (самоалов и ручных пищалей), луков и стрел, порохом, свинцом и каменными ядрами. Селитру для пороха Строгановы вываривали сами²⁾.

Для защиты своих городков Строгановы получили право набирать охочих людей — казаков и стрельцов (грамоты 1572 и 1574 г.), не считая сторожей, пищальников и воротников. В 1581 г. они онять ходатайствовали о разрешении «прибрать охочих людей казаков и теми казаки и своими людьми от ногулей оберечь». «И как к вам ся наша грамота придет», — писали по этому поводу из Москвы в Пермь, «а которые будут охочие люди похотят ити в Оникеских слободах и Чусовую и в Сылву и в Яйву на их паем, и те-б люди в Оникеских слободах или и с ними против чусовских

¹⁾ В 1616 году.

²⁾ Книга Б. чертеж. стр. 145. Д. А. И. IV, № 56. А. А. Д. I № 254. Инсюлья конса Кабардога 131—132 гг. и IV том. Пермской старини. Об артиллерию в Канкоре см. поступивое письмо Строгановых Пыскорскому монастырю в Гали. Пермск. старина.

вогулам стояли, острогов и деревень и починков от их войны оберегали»¹⁾.

Строгановские городки, возникшие по хозяйственным соображениям на частных землях, — по своему положению на границах русской населенности, сделались не только форпостами русской колонизации на востоке, но и внушительной военной элитой восточной Украины. Канкор, Кергедан и Яйвейский острожек охраняли подступы с юга на Усолье Камское, образуя заставы на речном пути из Сибири на Каму. С построением Бергедана-Орла в 1564 г., военное значение Канкора утратилось, и уже в 1570 г. он был подарен Строгановыми основанию ими Пыскорскому монастырю²⁾. Чусовские городки перехватывали тоже путь дальше к югу, а Сылвенский острожек преграждал один из вариантов Сибирского пути, которым иногда пользовались инородцы — р. Сылву.

Укрепленные усадьбы Строгановых были той засечной линией, о которую разбивались набеги зауральских инородцев. За деревянными стенами построенных ими городков их наемные казаки «стояху против безбожных агарян буйствию и единомыслию с живущими ту людьми в городках и бояхуся с безбожными немилостиво и на церквях пощряхуся». В 1573 г., просящика в городках людям ратным скопи, отступив сибирский царевич Махмет-Куз; в 1581 г., во время набега ильмских ногулей, «преблагий бог не попусти скаяющих», и они были с уроном отбиты из-под городков³⁾.

Правительство, разрешая Строгановым строить остроги, заводить артиллерию, варить «ямтух», держать военные силы, так и глядело на их вотчины, как на средство защиты восточных границ. На Строгановых официально возлагается обязанность «пермских мест оберегать», и в 1582 г., как известно, они получили царский указ о том, что «Перми ничем не побудиши». «И только бы вы нам служили», говорилось в окончательной грамоте, «и вы-б... послали их (казаков) и своих людей наших земли пермские оберегать»⁴⁾. На Строгановых смотрели, таким образом, как на организаторов военной защиты Пермской Украины. Сам Григорий Строганов так определял задачи возникаемого им городка: «а как ден он городок поставит на берегу и наряд скорострельный устроит на обеих городках, и в Пермь ден воинским людим боязтию пройти будет нельзя»⁵⁾.

Служба оборонительной линии для Перми со стороны Урала, Строгановские городки являлись и опорными пунктами для

¹⁾ А. М. И. Д. Строган. дела, карт. XXIV, № 5.

²⁾ Пермск. Старина I, стр. 195—197.

³⁾ Сиб. лет., стр. 6, 9—10.

⁴⁾ Д. А. И. I № 128. Ср. царск. грамоту 1572 г. с расширениеми о герах против черемши (там же № 121).

⁵⁾ Там же, № 117.

дальнейших захватов новых территорий. Эти захваты произошли отчасти экономическим путем. Жалованые грамоты Ивана Грозного открыли Строгановым доступ в «остяцкие и татарские ухожи и звериные ловли» на р. Сылве; их люди проникают в вотчины чусовских vogуличей «украдом соболей и куниц, и бобров, и всякого зверя, и рыбы ловити». Постепенно все далее на восток оттесняются «остяцкие улусы», мольбами туземцев подвергаются разорению, их земли осваиваются пришельцами, и в первой четверти XVII в. оказывается, что татары, живущие на Юрмане, сидят на «Строгановых землях». В XVII в. официальные документы отмечают полную задолженность чусовских vogуличей, что к ним приходят из Строгановских вотчин¹⁾.

Наряду с экономическим захватом угодий и земель—ило организованное военное наступление на восток. Уже в 1574 г. Строгановы просили о разрешении «посыпать бессинию» за сибирскими людьми «и обиды им своя мстить», и получили грамоту, предоставлявшую им право «на Тахчех и на Тоболе реке крепости им поделати и снаряд огненным, и пушкарей, и пищевников, и сторожей от сибирских и от ногайских людей держати», «на сибирского Икону и Григорью, сбирая охочих людей и остяков, и vogулич, и юргич, и самоедъ с своими наемными казаки и с нарядом своим посыпать воевати и в водой сибирцов имати, и в дань за нас приводити»²⁾. Повидимому, в связи с этим появлениею на «новые места» за Камнем, является посылка Строгановыми в конце 70-х годов служившего у них ингерланца Оливера Брюнеля в Сибирь для обследования путей³⁾.

В 1582 г., ознаменовавшемся опустошительными набегами vogулич на Чусовую и на Пермь, Строгановы фанть ходатайствуют о разрешении «на тех vogулич, которые воровали, слободы их и террии развали, приходить и нал ними промышляти», на что послано нарское соизволение «и которые vogулич на их остроги воиню приходят и заторы чинят, и на тех было vogуличи приходили и нал ними промышляли, смотря во тамошнему делу, чтоб от vogулич от воины уберечься и нал ними искать и воиню им досадити»⁴⁾. Наемные казаки, если верить позднейшим известиям, действительно «за-Каменъ vogулич воевали... а хлебом кормился от Максима Строганова»⁵⁾. Эти набеги завершились походом Ермака за Урал.

¹⁾ Известия Кабарова и IV том. Первого Старника (стр. 134, 135), А. И. III № 112. Сиб. лет., стр. № 398, л. 86 об. А. М. И. Д. Строган. № 60 1576—1641, лл. 23—25.

²⁾ Д. А. И. I № 128.

³⁾ Ильинская (Evgenyana's Library) I, стр. 364, № 6. Рус. Истор. О-ва, т. 116, стр. XXX—XL.

⁴⁾ А. М. И. Д. Строган дела карт. XXIV, № 5.

⁵⁾ Сиб. лет., стр. 333.

Экспедиция, во главе которой Ермак ишел на завоевание Сибири, была в сущности промышленным предпрятием, организованным Строгановыми в своих личных выгодах. «Честные мужи», отиуская своих «наемных» казаков, брали на себя все расходы по снаряжению экспедиции и сужали ратных людей «свяжими заводы и запасы», «удоволивши их мздою и одеянием разным украшива, оружием воинским и занасы многими... и вожей, ведущих той сибирской путь, и толмачей бусурманского языка им дана»¹⁾. Григорий Строганов, по позднейшему официальному признанию, «войску помочь чинил, деньги и платье, и порох, и синец, и всякой к воинскому делу занас давал из своих пожитков, и вожей с ними под сибирские города посыпал своих дворовых людей»²⁾. Это снаряжение, «занас», давался как-бы «взаймы», «на проем». Есть известие, что заем должен был быть обеспечен кабалами, «на ком те принася по цено взяты, и кто отдаст точно или с лихвою»³⁾. Иначе говоря, Строгановы доставили то, что на старинном промышленном языке называлось «ужиню», т. е. продовольствие, оружие, одежду, словом, все оборудование, как делали предприниматели в XVII в., снаряжавшие на промыслы в Сибирь ватаги своих «наемных покрученников»⁴⁾. Взамен, казаки, повидимому, обязывались поделиться добычей: «санце бог упрашит путь нам в добыче и здрави имамы быти, занлатим и наградим по возвращении нашем»⁵⁾. Договор, может быть, был скреплен «крестным целование»; и казаки «честным людем перед богом обеты и слово свое даны»⁶⁾. Усвех предприятий должен был с лихвою покрыть расходы, и недаром при первых известиях о победах казаков Максим Строганов, во словам Кунгурской летописи, со том веселился, не все же туне занас и ружье и подмог да в отиуск⁷⁾. Как на частное предпрятие, имевшее целью обогащение самих Строгановых и в лучшем случае расширение их частных владений, смотрело на экспедицию, снаряженную ими, и московское правительство, как видно из реальной грамоты 1582 г.

«Одними наемными казаками убрать Сибирь Строгановым складлось не под силу, и им пришлось обратиться к московскому государю за помощью. Тем не менее, второе завоевание

¹⁾ Сиб. лет., стр. 11, 59, 84, 317. «Наемные казаки»—там же, стр. 5, 70. Ср. грамоты 1574 и 1582 гг. о найме казаков.

²⁾ Д. А. И. VI № 67.

³⁾ Сиб. лет., стр. 314, 315. Позднейшая легенда (см. Кунгурскую летопись) старается затуманить долговую обязательственность Ермака и представляет дело так, что он отказался дать кабалы и ограничился словесным обещанием.

⁴⁾ С. Бахрушин. Покруга на событиях промысла XVII века («Труд

и Россия», 1926 г., кн. I).

⁵⁾ Сиб. летопись, стр. 313.

⁶⁾ Сиб. лет., стр. 22, 68.

⁷⁾ Сиб. лет., стр. 315.

земля выступает сначала с чертами Строгановской вотчины, на которую первоначально были распространены привилегии, показанные им в отношении их старых владений. Так, одно время Строгановы сами посыпали из своих городков «людей своих» «по рекам и татарским востям, и в ногульские улусы» «ясинного ради сбору» и, собирая ясак «с бусормен», доставляли его в Москву в Новгородскую четь «с своими людьми», очевидно, на тех же основаниях, на каких они пользовались правом «все подать» с иных своих вотчин «возить» непосредственно самим в государеву казну, в Москву^{1).}

Утратив очень скоро эти вотчиннические права на земли по Тоболу, Строгановы продолжали играть крупную роль в деле окончательного завоевания открытых ими земель. В 1584 г. им предписано было из Москвы заготовить струги «со всем струговым запасом» под ратных людей ки. Болховского^{2).} В 1592 они должны были поставить 50 чел. в полном вооружении «с руиццами и с луки, с кремли и с рогатками, и со всяkim ратным боем», чтобы ехать в Сибирь на судах с воеводою Траханиотовым, которому была поручена постройка Березова, и столько же человек «с инциальми ко иных» «на войну на Нельмыского»^{3).} К их участию прибегало правительство и в деле колонизации вновь захваченных земель; так, из них было возложено в 1590 г. наблюдение за сбором в Соли-Вычегодской подмоги «в сибирские жильцы»^{4).}

Таким образом, захват пути в Сибирь по Чусовой был произведен исключительно благодаря частной предпримчивости, «промыслом и подмогою» «честных людей» Строгановых. В этом отношении Строгановы сыграли на Чусовой ту роль, которую одно время хотели играть на Выми первые владыки. И там, и здесь, на границе русской земли и инородческого мира, мы наблюдаем возникновение крупных латифундий, почти независимых от Москвы, через посредство которых русское влияние распространяется на окрестные имена остыков и ногудей и проникает постепенно за Урал.

Чусовской путь, которым было совершено самое завоевание Сибирского царства, впоследствии не имел крупного значения для сношений с Сибирью, и построенный, было, в 1583 году на верховьях Тагила Верхтагильский городок, имевший целью утвердить господство русских на волоку между Чусовой и Тагилом, простоял 7 лет, был в 1590 году, с построением Лозынского городка, «зокинут виусте»^{5).} Развитию большого движения по этому пути препятствовали отчасти тяжелые условия изла-

¹⁾ Сиб. лет., стр. 45, 92. Ср. грамоты 1558, 1564, 1574 гг.

²⁾ Миллер. Опис. Сиб. царства, стр. 171.

³⁾ Д. А. И. I № 138.

⁴⁾ А. А. З. I № 349.

⁵⁾ Др. Рос. Виол., пер. 1788 г., т. III, стр. 115.

вания во бурных горных речкам, входившим в его состав: «Чусовая река каменистая и быстрая, и круглоголовая, берега — утесы каменистые», говорится в одном донесении начала XVII века^{1).} Еще более препятствовали тому привилегии, которыми пользовались владельцы Чусовой — Строгановы, «подвод и проводников не давать». Отсутствие яма затрудняло пользование этим путем для правительственные надобностей. «А которые гонцы гоняют из Казани, и те гонцы мимо Строгановых острожки не гоняют», говорится в «Росицей Сибирским городам и острогам», «и Чусовским волоком из Верхтуры не приезжают, потому что им из Чусовой не устрои подвод иметь негде»^{2).} Только «для скорого государева дела, в осень или по последнему пути», гоняли иногда гонцы с Верхтуры «на Строгановых острожки», «а для подвод и судов, и гребцов с Верхтуры налегке посыпают одного человека к Соли Камской и суды, и гробцы от Соли Камской привозят по Каме реке на усть Чусовой реки, потому что из Чусовой яму нет, а Строгановы подвод и судов и гребцов не дают»^{3).}

Несмотря на все эти неудобства, Чусовой отчасти продолжали пользоваться, как дорогой в Сибирь, в течение всего XVII века. Просад торговых людей заставил уже в первой четверти XVII века правительство устроить на Чусовой «на прямой Сибирской дороге» таможенную заставу, а в 60-х годах у виадения в Чусовую Утки основать слободу, в надежде, что «тут... в таможенных пошлинах сбор будет немалой»^{4).} Позднее мы слышим жалобы на то, что «многие тягкие крестьяне с Обвы, с Ины и из Чердынского уезда бегают в Сибирь, не займу Соли Камской и Кунгур, мимо Чусовской вотчины Григория Строганова» и что чусовские крестьяне проложили новую дорогу, которой вывозят из Сибири хлеб, и тою же дорогой проходит по Сибири в Усольский уезд гуляющие люди «для погребства»^{5).} Ездили этой дорогой в отдельных случаях и служильые люди. В 1692 г. так вели Набранда, схавшего послаником от Петра Великого в Китай. Этим же путем пользовались в начале XVIII века для доставки на Русь железных изделий и железа с казенных заводов^{6).}

¹⁾ Ср. Адам Вранд. Relation du voyage de E. Isbrand en 1681, 1692, 1693, Amsterdam, 1699, стр. 33. Сиб. прик. ви. № 1426, лл. 36 след., 408 след. (по испечат. доклада И. В. Чекаи). «Каменские железные заводы начала XVIII в.»

²⁾ Титов. Сибирь в XVII в. II—12.

³⁾ Титов. Сибирь в XVII в., стр. 11. У Титова напечатано: «посыпают одного человека к Соли Камской», очевидно, — ошибка.

⁴⁾ Дмитриев. Иерусалимская Старина, том. VII, стр. 176 (пролечение на приводной книги Верхот. уезда 1624—25 г.). Бузинский. Заселение Сибири, стр. 64. Д. А. И. IV № 20. Сиб. прик. ст. № 809.

⁵⁾ А. И. V № 113.

⁶⁾ Чекай. Каменские железные заводы начала XVIII века.

В XVII в. путь по Чусовой шел, однако, позже, чем в 80-х годах XVI столетия, когда им воспользовался Ермак. Ехали вверх по Чусовой до устья Утки, близ устья которой в Чусовской (Уткинской) слободе высаживались и продолжали путь сунью на реку Режь, далее вдоль Режи через слободы Аятскую и Арамашевскую на реку Нейву и Невьянскую слободу, откуда дальние ехали водою и по Нице спускались до Тюмени¹⁾.

Отдаленность Чусовского пути от тогдашних центров торговли пущиной—Устюга и Соли Вычегодской—и отсутствие непосредственной связи с Архангельским портом, средоточием всех торговых союзий с Западом, которыми, главным образом, регулировалася весь оборот пущинных товаров,—все, это помимо указанных трудностей, заставило Московское правительство держаться более северного направления с Камы на Обь. Как сказано выше, оно первоначально воспользовалось путем мимо Чердыни—Виннерию и ее притоками на Лозуву и на Тавду. В 1597 году солыничегодский посадский человек Артюшка Бабинов «проведал» новую дорогу, «сухим путем», которая сокращала, во его расчету, путь от Соли Камской до Тюмени более чем вдвое, и вела прямо на верховья р. Туры. С основанием в следующем году города Верхотурье, эта «новая» Бабиновская дорога была объявлена правительственным трактом, взамен отмененного тракта на Лозуву, и с тех пор она оставалась таким до 1763 года²⁾.

Дорога на Верхотурье шла от Соли Камской через реки Усолку и Сурмаг и верховья Яйвы (реки Чикман и Молчан) на р. Косву и далее по притоку Косвы Кырье. На Кырье находился небольшой поселок Ростес³⁾, у перевала через Павдинский Камень, как называлась эта часть Уральского хребта, а на той-стороне перевала была расположена деревня Павдинская или, как ее звали позднее, Подиавдинские избушки. Дорога, пере-

¹⁾ Чертеж Ремезова, л. 8. Сиб. прил. кн. № 1426. В гайд. Relation du voyage de Mr. E. Isbrand, стр. 24—25, 32 след. (описание маршрута не совсем ясное и местами ошибочное). О значении Аятской слободы на этом тракте см. А. И. У № 126 и 133. Григорьев и статья: «Устроство и заселение московского тракта в Сибири в точке зрения изучения русских говоров», напечатанной в № 6 Известий Института исследований Сибири (Томск), посвящает этот путь по чертежной книге Ремезова, но допускает несколько ошибок (стр. 2): он отождествляет Сулемскую слободу с Уткинской и утверждает, что она расположена на устье р. Утки. Сулемская слобода стояла на р. Сулеме. Продолжительность пути по Чусовой от Уткинской слободы до Москвы была, судя по доказу сына боярского Ильи Парфенова в 1701 году—8 недель и 1 день, без «простийных дней», которых насчитывалось 6 недель и 4 дня. В следующем году сын боярский Мих. Виноградов совершил тот же путь приблизительно в 13 недель. Избран, охваченный этим путем в Сибирь, три недели ехал только вверх по Чусовой с постоянным и тяжелым трудом. (В гайд. Relation, стр. 33. Чеккин, пам. согл.).

²⁾ Миляев. Опис. Сиб. царства, стр. 331—333. А. И. II № 26.

³⁾ Сиб. прил. кн. № 123, л. 76. «В прошлых давних годах», говорится в царской грамоте 1684 года, что Сибирской дороге на Верхотурском подоку, южнее Ростесу, никаких деревень не было, и что Ростес деревня изстроена для бродоходов зимней дороги». (Д. А. И. XI № 95).

валив через Урал, пересекала р. Панду, приток Ляли, принадлежащей к бассейну Сосьвы, затем переходила через Лялю на реку Мостовую, впадающую в Туру, и достигала Верхотурья. Общее протяжение дороги от Соли Камской до Верхотурья Бабинов определял в 263 тогдашних версты; то же приблизительно расстояние дает «Список с чертежом Сибирские земли» 1672 г. (250 в.). Гмелин, воз врашившийся этим путем в 1742 г., считает 212 верст¹⁾.

При новом направлении дороги Чердынь оставалась в стороне, и Соль Камская делалась важнейшим пунктом на «новой» Сибирской дороге. Что касается пути от Москвы до Соли Камской, то он шел мимо Сергиево-Троицкого монастыря на Переяславль, Ростов, Ярославль, Вологду, далее рекою Сухою на Тотьму и на Устюг, с Устюга по Вычегде на Соль Вычегодскую и оттуда через Кайгородок на Соль Камскую²⁾.

Наряду с таким обычным направлением от Москвы до Соли Камской, в виде исключения, ездили на Казань через Коломну, Рязань, Касимов, Муром, Н.-Новгород и Козьмодемьянск, и далее от Казани на Тетюши и Соль Камскую³⁾.

Правительство было озабочено поддержанием Сибирской дороги в удобоиоруженном состоянии. В этих целях, в 1599 г. ее чистили, выкорчевывали низ и мости мостили «через боераки и через грязные места», всего сделали от Соли Камской до Верхотурья 7 мостов понеречных и 30 в длину. В дальнейшем, «чистить» и «бродить» дорогу и убирать «завалы лес» являлось новинностью населения. Несмотря на такие заботы правительства, она содержалась очень плохо; уже в 1619 году «мосты все ногиши, и по рекам водою посыплю, и кореня стоятадася... и дорогу заломлю лесами большими», и жалобы на плохое состояние дороги повторяются в течение всего XVII в. «Грязи и болота непроходимые», лесные завалы, пакоцц, трудность перевала через «Камень непроходимый», на котором «снеги... надут раны»—нельзяли пользоваться верхотурской дорогой только зимою (от Семена дня до Благовещения) или в сухую летнюю пору⁴⁾.

¹⁾ Миляев. Описание Сибирского царства, стр. 302. Титул. Сибирь в XVII в., стр. 42. Приложение к черт. книге Сибири (Ремезова), стр. 12 (расстояние здесь указано явно ошибочно). Пам. Сиб. истории XVIII в., II № 85. А. А. Ф. II № 54 и 80. А. И. II № 26. Временник О-ва Ист. и Др. Росс. XX. Пам. Сиб. ист. XVIII ст., II № 69. Верхотурский путь описан в журнале Путешествии Ланселя в 1715 г. (in Recueil de Voyages au Nord, C. V. Amsterdam, 1735), у Брауда (Relation, обрати. путь) и у Гмелина, Reise, IV.

²⁾ См. многочисленные подорожные, сохранившиеся в делах Сибирского приказа (например, от № 53, л. 224, № 88, л. 58, 321, № 208, л. 189, 194), а также описание пути у Брауда (Relation du Voyage de M. E. Isbrand, Amsterdam, 1699) и у Миляева. В 1713 г. было разрешено обывать Вологду и сидеть прямо от Шульского яма к Обирскому (Пам. Сиб. ист. XVIII в., I № 48.)

³⁾ А. И. II № 69 (11).

⁴⁾ А. И. II № 26, III №№ 47, 78, 86, 114, 234. Д. А. И. VI № 119.

Предпочтительно Верхотурской дорогой пользовались зимою в расчетах посыпь к вскрытию сибирских рек, чтоб продолжать путь водою. Зимний путь был к тому же самый скорый: «зимою порою... приезжают от Соли Камской на Верхотурье в 8 дней, Избранц в декабре—январе и Ланге в январе сделали путь от Верхотурья до Соли Камской в каких-нибудь 5—6 дней. Зато при неблагоприятных условиях, в самую распинуницу, «как обиляла весна», «но последнему зимнему пути в расколе», иной раз тащились «Верхотурским болоком» и четыре недели; тоже случалось и «сосенюю грязную пору»¹). Продолжительность зимнего пути от Москвы до Соли Камской, судя по маршрутам Избранца и Ланге, может быть определена в 1 месяц.

Верхотурье, по своему положению на правительстенном тракте, являлось как бы воротами в Сибирь, le Pas de la Siberie, как это называло в французском переводе сочинения Адама Бранда. Здесь была устроена таможня, через которую должны были, по крайней мере в теории, проходить все проезжающие Камским путем за Урал. Со своей стороны, таможня эта была как бы центром целой сети более мелких таможенных застав, посредством которых казна стремилась устранить всякую возможность обхода Верхотурской таможни. Так, имелась таможенная застава в Ростесе у начала перевала через Камень и в Навдинском у конца его, во избежание беспошлининого торга усольцев с тулемцами на болоку, далее на верхнем течении Чусовой и в ближайших окрестностях Верхотурья на р. Ияле, на том месте где ее пересекала дорога (Лялинский караул, выше село Карапульное). Дорога в Верхотурье из северо-Чисток (из Целым) преграждалась заставой в Кокшайском остроге и из того-Чисток (из направления Турийского уезда)—Тагильской²).

Движение через Верхотурскую заставу было очень затруднительное. Во-первых, через нее или все правительственные соединения с Сибирью: ездили воеводы, отправлявшиеся на место своей службы в сибирские города, привозился хлеб для сибирских гарнизонов, гнали гонцы с отписками. Летом 1623 г. под воеводами всех сибирских городов и дьялами и письменными головами и под сибирскими служилыми людьми и под государевыми хлебными запасами из Верхотурья было отпущено 86 судов различного размера: 6 кочей, 8 стругов с чердаками и «без чердаков», 18 доцников, 31 лодья, 5 каноэков и 8 лодок. В следующем году пришло из Магазеи под воеводою и подья-

¹⁾ Сиб. прик. ст. № 83, л. 153. Ср. Титов. Сибирь в XVII ст., стр. 27. См. Г. И. Roise, IV, стр. 497.

²⁾ Сиб. прик. ст. № 53, лл. 39—40. А. И. II №№ 114 и 234.

³⁾ Сиб. Прик., кн. № 2, л. 161. А. И. V № 60. Д. А. И. V № 95. Верхот. приходо-расход. книга 133 г. (изначат. в отрывках Дмитриевским и Порисским Стариком, VII, стр. 176—177) Буцинский II. Заселение Сибири, стр. 53—54.

чим и из иных городов под служилыми людьми 35 судов (3 коча, 6 доцников, 6 стругов доцничных, 11 каюков и стругов однодеревых¹). В 1661 г. из Верхотурья было отпущено под воеводами, хлебными запасами, подрядным вином и т. д.—36 доцников²). В 1685/6 году великих государей за казнами и за всякими делами через Верхотурье проехали—56 чел.³). В годы смуты воевод в сибирских городах Верхотурье необычайно скживалось в виду приезда новых «гемонов», особенно поездки тобольского, на которого смотрели как на верховного представителя всей Сибири. Верхотурский воевода устраивал пиры в честь новоприехавших, на которые собирались все случайно находившиеся в Верхотурье служилые люди разных сибирских городов на поклон своим будущим правителям. В 1631 г., например, при проезде тобольского воеводы кн. Ф. А. Телятевского через Верхотурье, воевода Федор Боянцев угощал его и прочих воевод обедом, и как-де были (у него)... в гостях стольник кн. Ф. Телятевский да кн. Ив. Татев и иные-де воеводы, сюда же явились тобольские дети боярские Мельхиор Ремезов и Михаила Мотовилов, и «после обеда» подвыпивший Мотовилов «здоровал» кн. Федора на Сибирском царском престоле и целовал ему руку⁴). Присутствие большого числа представителей администрации давало повод и для иного рода выступлений. В 1639 году магазейский дьяк Богдан Обобуров явился, например, на Верхотурье тобольским воеводам кн. П. Пронскому с товарищи и иных сибирских городов воеводам и дьялам на неправильные действия бывшего в Магазею воеводы кн. Никиты Барятинского⁵). В обычные годы через Верхотурье к воеводам в Сибирь ехали гости и направлялись зачасть. Так, в 1642 году вспоминали на Верхотурье магазейский воевода кн. П. Ухтомский, брат шарымского воеводы Ив. Скобелы, брат жены томского воеводы князя С. Мосадинского—Ст. Кафтырев, люди котского, сургутского и красноярского воевод, человек енисейского воеводы, возший к своему хозяину знате, и подъячий Томской съезжей избы⁶).

На-ряду с пребездом чиновных лиц, через Верхотурье тянулись в Сибирь обозы с русскими товарами и проходило большое число торговых и промышленных людей. Достаточно указать, что в 1635/6 (144 г.) в Верхотурской таможне было зарегистрировано свыше 2.200 человек (считая более 550 чел. изощников), а в следующем (145 г.) спешком 1.700 чел. (в том числе более

¹⁾ Сиб. Прик., ст. 1665, лл. 160, 166.

²⁾ Курц. Р. Верхотурье в XVII в. (в Юбил. Сборнике Историко-Этнографической про Киевском У-тие).

³⁾ Д. А. И. XII № 28.

⁴⁾ Прик. дела ст. лет. 1634 № 78 л. 387.

⁵⁾ Сиб. Прик., ст. № 93, л. 70.

⁶⁾ Зеркалов, О житиях, стр. 189.

730 извозчиков). Товаров на эти годы было пронесено приблизительно на 62.363 и на 69.214 рублей¹⁾. С 29 ноября 1646 по 27 февраля 1647 года (за три месяца) через Верхотурье проехало 30 купцов с товарами на 18.794 руб. сиником²⁾. В 1692/3 (191 г.) году с Руси через Верхотурье проехали и прошло 1.186 человек, к Руси 284 чел.; извозчиков в обоих направлениях 711 ч.; зарегистрировано гулящих и иных людей 315 чел.; всего отмечено 2.496 человек; кроме того, с Верхотурья к Соли-Камской с возами рыбой ездило местных верхотурских жителей 75 человек с товарыши. Товаров с Руси пронесено через таможню на 25.056 руб.³⁾. О размерах движения дает наглядное представление количество лошадей, на которых проносилась кладь: в 1635/6 г. их зарегистрировано 945, в 1636/7—949, в 1692/3—711 с русскими товарами и 255 с рыбой с Верхотурья, всего 966. Общая выручка таможни за указанные годы выражалась в суммах 2.240 р. 48½ к., 2.451 руб. и 1.345 р. 57 к.

Движение через Верхотурье происходило неравномерно в течение года. Из таможенных книг известно, что обозы с товарами отпускались с Устьюга и от Соли Камской по зимнему пути, и расчетах посыпать на Верхотурье до «раскалья», т.-е. не позднее конца марта или первых чисел апреля. Затем, в течение апреля ожидали на Верхотурье вскрытия рек и в мае на купленных у местных жителей дощаниках и набойных лодках складывали товары речным путем дальше на восток. С июня наступало на Верхотурье полное затишье, которое продолжалось до декабря или даже января. В первой половине столетия Верхотурским путем пользовались почти исключительно при проезде с Руси в Сибирь, а обратно, как указано выше, ездили «через Камень». С прекращением морского хода в Мангасю и с упадком мангасийских промыслов, торговые люди стали, однако, ездить к Руси и через Верхотурье. Так, в 1692/3 г. отмечено 240 человек проехавших из Тобольска к Руси с мягкой рухлядью и китайским товаром, и из других городов 19 чел. В направлении из Сибири ездили преимущественно в ноябре и декабре; проезд продолжался до марта. Повидимому, и тут имел место расчет доехать зимним путем до Соли-Камской и Устьюга.

В течение зимних месяцев Верхотурье, благодаря наезду купцов, принимало вид оживленного торгового стана. В ожидании открытия навигации приехавшие с Руси торговые люди складывали товары на гостином дворе и в лавках у верхотурских посадских людей и слегка торговали; продавалась, впрочем, незначительная часть привезенных товаров, так как боль-

¹⁾ Собр. Прик., книги № 66 и № 85.

²⁾ Собр. Прик., ст. № 250, лл. 236—241 (изданят. у Курцова под. статье).

³⁾ Собр. Прик., книга № 747.

шинство торопилось ехать дальше в «соболиные места» на Енисей и на Лену, «а на Верхотурье у торговых людей мягкою рухлядью торги не бывает». Лишь отдельные торговцы обосновывались на долгое время в Верхотурье для скучки у втуличей и у местных посадских людей и крестьян деревней Нушины, преимущественно белки, и лосиних кож. Сопровождавшие обозы извозчики пользовались случаем, чтобы привезти для продажи на Верхотурье несколько аршин сукна и тому подобную мелочь. Верхотурские служилые и посадские люди и крестьяне, со своей стороны, зимою возили к Соли Камской воде скрупной и мелкой рыбы (язей, щук и карасей) и из этих поездок привозили на Верхотурье соль и кое-какие русские товары. Несколько сот гулящих людей толпилось ежегодно на Верхотурской заставе; из них приезжие торговые люди нанимали «работных людей» на свои суда и покрученников на соболиные промыслы. Здесь же покупались и суда, и хлебные запасы для дальних экспедиций. Таким образом, положение главного изограничного пункта между Русью и Сибирью накладывало на Верхотурье особый отпечаток, придавая ему своеобразное значение¹⁾.

Правительство из фискальных соображений стремилось направить все движения за Урал через Верхотурскую заставу, потому что из Сибири и в Сибирь многим дорогам быть «неприятно», и энергично боролось с образованием новых дорог «мимо Верхотурье», приказывая всякий раз такую вновь открывшуюся дорогу «засечь пакренко, чтоб оттуда коням людям проезду, а иначим проходу не было»²⁾.

Несмотря на строгие законы, наряду с официальной Верхотурской дорогой продолжала существовать «старая Казанская дорога» через уфимские стены, на Тюмень, древний караванный путь, связывавший татарскую Казань с торговыми центрами Средней Азии, унаследованный еще от Булгарского царства. Москва одновременно с завоеванием Сибири поспешила освоить и этот путь, и постройка «на дороге» в 1586 г. Уфы мотивировалась тем, что «из того города на Белой Воложке казанским людям многимходить в Сибирь». В конце XVI века правительство в отдельных случаях пользовалось этой дорогой в военных целях; в частности, этим путем из Казани были в 1594 году насыпаны в Тобольск войска, посланные против Кучума³⁾. В первой половине XVII века с Тюменью на Уфу в экстренных случаях посыпали гонцов «для государева дела по вестям»⁴⁾. По старому, этой же дорогой через Тюмень поль-

¹⁾ Собр. Прик., книга № 66 и № 85, ст. № 788.

²⁾ А. И. В. № 113.

³⁾ Мюлдер. Опис. Собр. царства, стр. 259. Диктриев. Пермск. Губроп., VIII, стр. 26. Тюмень в XVII в., изд. Чукмадиевой, стр. 71.

⁴⁾ Титов. Сибирь в XVII в., стр. 34, 44.

зовались «тезиками» (кунцы) из Бухары и Йоргендка¹⁾. Точно так же и уфимские татары, и башкиры, и тюменские татары возили «с Уфы степью и из уфимских волостей из башкир мед на продажу в Тюмень²⁾. Продолжительность этого стечного пути определялась «шестадцатью сухим путем» в 3 недели; зимним путем ходили на лыжах 5 недель³⁾.

В средние XVII века устанавливается одно направление этой дороги, которое в последней четверти столетия приобретает довольно крупное значение. Это направление через основанный в 1649 году Кунгур. Эта «через Урал-камень» проезжая большая дорога шла с Кунгура через Кунгурской уезд на реку Бисерть, приток Уфы, с верховьев Бисерти («с верхбисертских татарских юрт») на верховья Чусовой и пересекала ее, «не хватая Чусовской (Уткинской) слободы»; затем дорога разделялась: в северо-восточном направлении она шла рекою Уtkою и Режью на Арамильскую слободу к Ирбиту, а на юго-запад от верховьев Чусовой на р. Каменку и через Каменку на р. Исеть к слободам Арамильской, Колчеданской и Катайской и к Далматову монастырю. Последний вариант довольно верно предзначал будущее направление сибирского тракта на Екатеринбург⁴⁾.

Несмотря на неоднократные запрещения пользоваться этой окольной дорогой «мимо устроенного яма» и на угрозы высылки осужденников в Москву, во второй половине XVII в., через Кунгур не только ездят из русских городов в Сибирь торговые и промышленные, и гуляющие люди, и семейства, в частности «по вся годам» ездят туда и обратно «купеческие люди» с товарами и с рыбой, и ходят из Сибири на Русь из слободок с Тюмени слободские всяких чинов и промышленные русские люди, и иноземцы для русских хмелевой и винковой покупок и в Сибирь в Русь для сибирских же покупок; это пользовались также сибирские воеводы и служилые люди, ездившие по казенной надобности: «шире-де положена из Сибири мимо Верхотурскую заставу дальняя вновь окольная дорога по слободам через Уtkу и Кунгур на Каму и русские города, и ездят-де тою новою

¹⁾ История Сибири: Материалы для ист. Уфимского дворянства, стр. 18.

²⁾ Сиб. Прик. № 90, л. 76.

³⁾ Титов, Сибирь в XVII в., стр. 14.

⁴⁾ Чертежная книга Ремезова, л. 21. Сиб. Прик., стр. № 788 (упоминается путь с Коми реки и Уткинскую слободу через Кунгур). Д. А. Н. VIII № 65, 71, 79. А. Н. V № 60, 173 (ср. Кунгурские акты, исп. Арх. Ком. № 66), 181-246 (Кунг. акты № 69). Намитники Сиб. ист. XVIII в., I № 70. Титов, Сибирь в XVII в., стр. 11, 29. Дмитриев, Пермск. Стар. VIII, стр. 36-37, ср. Готье Гий, Reise, I, стр. 86 след. Григорьев (Устроение и значение Московского тракта в Сибири в Известиях Института исследований Сибири № 6) на основании акты Ремезова восстановляет южное направление Кунгурской дороги приблизительно так же, как и мы: у него, впрочем, есть некоторые ошибки; напр., реку Каменку он принимает за Уральские горы (Камень).

окольную дорогу— всякого чина люди,— сибирские дети боярские и служилые люди торговое и иноземца всякие люди, а с Руси с русскими, а из Сибири с сибирскими товарами и с мягкую рухлидью, летним и зимним путем беспрестанно», писали уже в 1659 году на Москву верхотурскому воеводе⁵⁾.

Кунгурский путь лишь слабо мог обслуживать интересы северного Поморья, через которое или в XVII в. все торговые способы с Западной Европой, но он приобретал все более серьезное значение по мере того, как заселялись нижнее Поволжье и Уфимский край⁶⁾.

В XVIII веке, когда торговая жизнь в поморских городах падает, и, наоборот, усиливается торгово-промышленная деятельность центра, в частности Москвы, Кунгурская дорога, связывавшая Тюмень непосредственно с Москвой через Казань, вместо далекого объезда на Соликамск, должна была рано или поздно заменить собою старую дорогу через Верхотурье. С развитием Екатеринбургского горного округа значение Верхотурской дороги падает окончательно. Однако, правительство и в XVIII веке упорно держится старой московской политики искусственного направления всего транзита исключительно на Верхотурье. В 1704 году последовал указ, запрещавший скроме Верхотурья, иными дорогами как из Сибири, так и из Сибири пронускать кого бы то ни было, в частности «купеческих людей». Указ этот был подтвержден через год, при чем определено отоваривался, чтобы не ездили через «Арамиль и Катайский острог и Уткинскую заставу и Ирбит», и вторично в 1722 году⁷⁾. С основанием Екатеринбурга в 1722 же году дело не изменилось. В 1735 и даже в 1758 годах имели место повторные запрещения, под страхом конфискаций, ездить с товарами через Екатеринбург и Кунгур. Впрочем, с конца XVII в. дорогой на Кунгур пользовались для правительственный почты. Только в 1763 году открыто было свободное сообщение по дороге Кунгур—Екатеринбург—Тюмень, и в том же году была уничтожена Верхотурская застава⁸⁾.

Таким образом, постепенно сложился тот Сибирско-Московский тракт, который в течение всего XIX века является единственным путем из России в Сибирь и по направлению которого в 1885 году была проведена Пермь—Екатеринбург—Тюменская железная дорога.

⁵⁾ А. Н. IV № 139, V № 173, 246. Д. А. Н. IX № 70, VIII № 65, 79. Дмитриев, Пермская Стар., VIII, стр. 37.

⁶⁾ Кроме описанных в тексте путей, существовала дорога из Тобольска на Астрахань «через извилистой Пербистской улицы» и через реку Яок или через «Одотов Камень» (Пролог к перг. книги Сибири, стр. 11—12. Титов, Сибирь в XVII в., стр. 8, 11, 44) дорога эта была мало употребительна.

⁷⁾ Намитники Сиб. Истории XVIII в., I № 70, II № 80 и 86.

⁸⁾ Григорьев, изв. сочинение, стр. 5—7.